

«ПО ПРЕДАНИЯМ ДРЕВНИХ ОНИ ЗНАЮТ, ЧТО ТЕ ВЕНГРЫ ПРОИЗОШЛИ  
ОТ НИХ...»

К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНЫХ МАДЬЯРАХ

Айболат Кайрслямович Кушкумбаев\*

Ключевые слова: мадьяры, маджары, венгры, этногенез, этноним, кочевники, евразийские степи, Казахстан, Деиит-и Кыпчак, тюрки, культура, письменные и устные источники  
Kulcsszavak: ősmagyarok, madjarok, magyarok, etnogenezis, etnonim, nomádok, eurázsiai sztyepp, Kazahsztán, Desti Kipcak, török népek, kultúra, írott források és színhagyomány

Айболат Кайрслямович Кушкумбаев

«По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них...» к вопросу о восточных мадьярах

Проблема появления союза мадьярских племен средневековья продолжает быть актуальной исторической темой в современной хунгарологии. Ранние мадьяры рубежа раннего и развитого средневековья сформировались как этнополитическая общность на обширной территории евразийских степей в соседстве с другими кочевыми народами, преимущественно тюрко-огурского происхождения: огуры, савиры, оногуры, болгары, хазары и др. Разнообразные многовековые этнокультурные контакты с тюркоязычными кочевниками сформировали не только особый военно-номадный уклад общественной жизни ранних мадьяр, колоритно выраженный в материальной и духовной культуре, но и оказали прямое воздействие на племенной состав мадьярской конфедерации. Совершенно очевидно, с точки зрения автора, что тюркские этнокультурные компоненты органично стали заметной частью формирующегося мадьярского народа. В процессе передвижения и переселения на территорию Дунайской Паннонии, как достоверно известно из источников восточной части, в Поволжско-Уральском регионе, осталась какая-то мадьяроязычная часть, что нашло подтверждение позднее. По сообщениям средневековых авторов, эта восточная группа (или группы) мадьяр компактно проживала вблизи Волжской Булгарии, вплоть до начала Западного похода Чингизидов 1236–1242 гг. В ходе монгольских завоеваний восточные мадьяры, также как и другие подчиненные народы, были включены в чингизидскую улусно-племенную систему Золотой Орды XIII–XV веков. В течение позднего средневековья восточно-мадьярское население окончательно было ассимилировано численно доминирующими здесь тюркоязычными кочевниками Деиит-и Кыпчака и вошло в состав формирующихся здесь новых этнополитических общностей – ногаев, узбеков, татар, казахов.

Ajbolat Kajrszljamovics Kuskumbajev

„Az ősök színhagyománya nyomán úgy tudják, hogy azok a magyarok tőlük származnak...” A keleti magyarok kérdéséhez

A középkori magyar törzsszövetség feltűnése továbbra is aktuális történeti téma a modern hungarológiában. A magyarok elődeinek etnopolitikai közössége a hatalmas kiterjedésű eurázsiai sztyeppen alakult ki a korai és az érett középkor határán. Ez a folyamat további, nagyrészt ogor török eredetű nomád népek szomszédságában ment végbe, úgymint ogorok, szabirok (szavirok), onogurok bolgárok, kazárok, stb. A török nyelvű nomád népekkel fennálló több száz éves sokrétű etnokulturális kapcsolatnak köszönhetően nemcsak a katonáskodó nomád életmód alakult ki a korai magyaroknál, színesítve az anyagi és szellemi műveltséget, hanem közvetlen hatást is gyakorolt a magyar törzsszövetség törzsi rendszerére. A szerző véleménye szerint teljesen egyértelmű, hogy a török etnokulturális komponensek szerves módon váltak a formálódó magyar nép jól észrevehető jellegzetességévé. A Duna menti Pannoniába való áttelepülés

\* Профессор кафедры Регионоведение факультета международных отношений, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (г. Астана); [kushkumbaev.magyar2011@yandex.kz](mailto:kushkumbaev.magyar2011@yandex.kz)

*folymata során, amint azt az írott források hitelesen rögzítik, a Volga–Urál térségének keleti régiójában ottmaradt valamilyen magyar nyelvű töredék, amint ez később megerősítést is nyert. A középkori szerzők értesülései nyomán a magyarságnak ez a keleti része (vagy részei) egy tömbben élt tovább Volgai Bolgária közelében, egészen a Dzsingiszidák nyugati hadjáratának (1236–1242) kezdetéig. A 13–15. században a keleti magyarok, miként a többi alávetett nép, bekerültek az Arany Horda dzsingiszida törzsi rendszerébe. A késő középkor folyamán a keleti magyar népesség véglegesen asszimilálódott a Desti Kipcsakban domináns török nyelvű népességébe. Ilyen módon bekerültek és részt vettek az ott kialakuló új etnopolitikai közösségek (nogajok, üzbégek, tatárok és kazahok) kialakulásában.*

Разноаспектные вопросы происхождения этносов,<sup>1</sup> межэтнические взаимоотношения, взаимодействия, взаимовлияния, различные сложные, и недостаточно изученные этногенетические процессы ассимиляции и метисации в древний и средневековый период в истории народов и племен, населявших обширные просторы евразийских степей, продолжают оставаться в фокусе внимания ученых: историков, этнологов, археологов, антропологов. Давно известно и зафиксировано, что на протяжении нескольких тысяч лет, с эпохи легендарных ираноязычных саков, скифов, савроматов, сарматов, аланов, а также гуннов, тюрко- и монголоязычных народов средневековья, генеральная закономерность движения кочевников с Востока на Запад. На протяжении, по крайней мере, полутора тысячи лет явственно наблюдается указанный базовый алгоритм, радикально изменявший развитие политических и этнических процессов степной Евразии и всей ее ойкумены. Начиная свое исходное движение с какой-либо территории, региона или местности (локальной зоны), расположенной,

как правило, в глубинах центрально-азиатского историко-географического региона (Монголия, Южная Сибирь, Алтай, Джунгария, Восточный Туркестан, Казахстан) или на ее периферийных границах, кочевые народы целеустремленно шли в западном направлении Великой Степи. Этот путь неизменно проходил по землям современного Казахстана. В исторической науке за казахскими степями недвусмысленно закрепилось (отчасти справедливо) обозначение как огромного «степного коридора» соединявшего Центральную Азию с Восточной Европой, хотя именно с территории Казахстана запускались (или вернее инициировались) практически все крупные инвазии и нашествия кочевников на близлежащие и отдаленные оседло-земледельческие области. На землях Казахстана продолжительное время (от нескольких десятков до нескольких сотен лет) на рубеже древности и раннего средневековья жили сарматы, аланы, хунну, а ряд тюркских народов и племен (карлуки, печенеги, огузы, кимаки, кыпчаки и др.) вплоть до монгольского завоевания Евразии включитель-

<sup>1</sup> В зарубежной (европейской) литературе этот термин появился уже в XIX в., а в России в начале XX в. он использовался в значении «народ». Его научное осмысление и теоретическое определение произошло позднее и стало необходимой дефиницией любого этнологического исследования. С 40-х гг. XX в. это понятие и производные от него термины – «этническая общность», «этническая территория», «этнические признаки», «этническая граница», «этническая специфика», «этногенез» стали широко употребляться в научных формулировках этнографов. Этническими общностями стали объявлять «племя», «народность», «нацию». В 60-80-е гг. в советской научной историографии происходит уточнение применяемых терминов и «этнос» стал обозначать все этнические общности от уровня племени до нации. Тогда же произошло оформление двух направлений теории этноса представленных известными учеными – Ю. В. Бромлеем и Л. Н. Гумилевым, которые выступали с диаметрально противоположных точек зрения. Первый отстаивал дуалистическую теорию этноса, второй выдвинул пассионарную теорию этногенеза. Этот спор продолжается до сих пор. Таким образом, в специальной и популярной литературе термин «этнос» употребляется для обозначения различных уровней этнических общностей. Насколько понятие «этнос» и сопутствующий ему понятийный аппарат адекватно и полно отражает происходящие многовекторные историко-этнические процессы в кочевых обществах Евразии древности и средневековья? Этот вопрос, на мой взгляд, требует дальнейшей методологической проработки. В данной статье автор применяет понятие «этнос» наряду с близким ему по смыслу общим соответствием – «народ».

но. Это подтверждается значительным массивом исторических источников (письменные сведения, археологические данные).

Так, например, монгольские армии в середине 30-х гг. XIII столетия, накануне старта знаменитого семилетнего похода Чингизидов 1236–1242 гг., базировались на землях северо-западного Казахстана и далее продвигались на запад Евразии. Если так представить историческую картину, то казахстанская территория являлась не просто широкой проходной зоной для кочующих номадов, а стала выполнять, прежде всего, в силу своего географического расположения, функцию своеобразного «накопительно-резервуара», собирающего как людские, так и иные ресурсы. Одновременно ее можно обозначить как обширную культурно-контактную область, в которой происходило взаимодействие номадов различного этнического происхождения. Не доходя до состояния кризисно-критической массы и внутреннего взрыва, группы кочевников-аутсайдеров, не выдержав конкуренции с другими более активными и воинственными соседями, формируя «пассионарное» (дееспособное) миграционное ядро, уходили на поиск более свободных земель,<sup>2</sup> сменяя на своем пути или включая в свой состав остатки политически разрозненных слабых племен.

К представленной закономерности продвижения азиатских кочевников по стратегической линии «Восток–Запад» относится и евразийская миграция предков мадьярского народа раннего средневековья. Считаю, сейчас нет весомых со-

мнений в том, что начало этногенеза (этнической истории) протомадьяров-кочевников проходило в азиатской части евразийского континента или, по крайней мере, на стыке географического разделения Европы и Азии, также расположенной на территории Казахстана. Как доказывается исторической наукой, мадьярские племена пройдя Волжский рубеж, в течение всего (или со второй четверти) IX в. кочевали по восточно-европейским степям<sup>3</sup> и в конечном итоге своей миграции закрепились в Карпатском бассейне на рубеже IX–X вв., завершив тем самым цикл известного феномена «Великого Переселения народов». Выдающийся российский тюрколог-этнолог, видный представитель евразийского научного направления Л. Н. Гумилев очень точно, на мой взгляд, отметил, что мадьяры и сама «*Венгрия – осколок Великой Степи в сердце Европы. Поэтому венгры держались как могли, справедливо считая, что кругом их враги*».<sup>4</sup>

Мадьяры (древневенгерские племена), прибыв в причерноморские степи, уже обладали, по определению крупнейшего специалиста в области ранней этнической истории мадьярского народа В. П. Шушарина, четко выраженным этническим самосознанием собственной этнической общности.<sup>5</sup> Можно ли установить сейчас насколько развитым или вернее, на каком уровне этого самосознания были «первые» мадьяры? На этот принципиальный вопрос, мне представляется, следует ответить утвердительно.<sup>6</sup> И это самосознание, судя по историческим материалам, было вполне сформировавшимся

<sup>2</sup> Эти факты массового переселения кочевых народов подтверждаются имеющимися источниками. Так, по легендарному сообщению, неоднократно цитируемому исследователями, венгерского Анонима родина мадьяр хоть и была «обширна», но «все же не могла прокормить и вместить множество рождавшихся там людей. Поэтому семь правителей, которых называют Хетумогер и которым стало тесно в их местах, задумали вырваться из них. Тогда эти семь правителей, посоветовавшись, постановили уйти из родной земли и занять земли, пригодные для обитания...» (Деяния венгров 2007, 93). Хотя настоящие обстоятельства миграции могли быть иными или стали следствием совокупности неблагоприятных факторов, но в таких повествованиях о «деяниях» предков на первый план выходит ключевая первопричина.

<sup>3</sup> М. И. Артамонов связывает появление мадьяр, до этого проживавших к востоку от Волги и теснимых печенегами в Причерноморских степях, с восстанием кабар в Хазарском каганате в 20-х гг. IX в. (Артамонов 1962, 339–340, 343).

<sup>4</sup> Гумилев 1993, 155.

<sup>5</sup> Шушарин 1997, 112–113, 118.

<sup>6</sup> Такого мнения придерживается В. П. Шушарин, подчеркивающий, «что сохранение восточнее Карпат... этнических топонимов можар, маджар – это дополнительное свидетельство о длительности и стабильности данного самоназвания у отколовшейся от основной массы части мадьярского этноса, что, в свою очередь говорит о том, что мадьярами во 2-ой половине IX в. называл себя весь этнос, а не только одно из его племен» (Шушарин 1997, 113). В цитированном предложении стоит согласиться с автором, что сохранение этнопонимов «можар, маджар» свидетельствует о длительной «стабильности» этого этнонима и указывает на его долговременную устойчивость и преем-

и соответствовало распространенной опознавательно-опозиционной антитезе: «мы» – «они». Следовательно, первичная стадия этногенеза древнемадьярского народа началась раньше в какой-то, условно, «отдаленной» области восточно-евразийских лесостепей или степей и далее продолжилась в Понто-Каспийском регионе.

Происходило ли уже тогда, в азиатский период мадьярской истории, их самоидентификация через коллективный этноним «мадьяр»? Да, так как у них в это время активно шел процесс осознания единства своей этнической целостности, этнополитической интеграции и надплеменной

консолидации, формирования общей идеологии включенных в мадьярский союз племен. В тоже время, вполне очевидно, что эндоэтноним «мадьяр», как следует из достоверных данных, был названием одного из ведущих кланов мадьярского объединения семи племен,<sup>7</sup> от имени которого произошло наименование этого народа.<sup>8</sup> Сам этноним «мадьяр» (*magyar*) по своей фонетической характеристике и лингвистическому объяснению и, соответственно, происхождению, относится, что вполне очевидно, к той этнокультурной и языковой среде, в которой шло складывание протомадьярской этни-

---

ственность. Несколько иная точка зрения сложилась у Р. Г. Кузеева, высказавшего следующие соображения: «топонимы с основой *можар*, *мажар*, известные также и на территории Башкирии, не находятся в прямой связи с этнической историей мишарей и с происхождением их этнонима. Более вероятным является предположение, что топонимы с этой основой оставлены населением угорского или финно-угорского происхождения, часть которого оказалась в составе мадьярского союза. Трудно также согласиться, с попытками связать топонимы с основой «маджар», распространенные в эпоху позднего средневековья на Северном Кавказе и в Средней Азии, с этнонимом мадьяр. Очевидно, действительно, мы в данном случае имеем дело с этнонимическими созвучиями и реальное значение многочисленных этнонимов, топонимов и антропонимов с основой «маджар», известных в тюрко-монгольском мире эпохи средневековья, еще предстоит раскрыть» (Кузеев 1974, 127). Полагаю, такой подход указанного автора сейчас не представляется возможным поддержать. В моей статье в дальнейшем будет показана взаимосвязь и тождественность понятий «можар», «мажар» и «маджар», т.к. они четко зафиксированы и в письменной, и в устной традиции, поэтому считать их простым «этнонимическим созвучием» не совсем корректно.

<sup>7</sup> Следует обратить внимание, что кимацкий племенной союз, формировавшийся на Алтае, в восточном Казахстане и Прииртышье, по этногенетической легенде в изложении Гардизи состоял из семи племен: Ими, Имак (кимак), Татар, Байандур, Кыпчак, Ланиказ, Аджлад. Конечно, такие числовые сходства, пока мало что говорят, но их сравнительная характеристика на более широком материале имеет, на мой взгляд, потенциальную перспективу. Во всяком случае, кимацкие племена получили общее наименование по названию их основного племени йимак (*Yimäk*), ймак, йимек, йемек (кимак, кимек) (Кумекоев 1972, 39–41). Такую же закономерность можно предполагать в распространении племенного имени «*Meуeрr*» (греч.), мадьяр (медьер) на всю совокупность раннемадьярских племен (Ньек, Медьер, Кюрт [Дьярмат], Тарьян, Енë, Кер, Кеси) на начальном этапе этногенеза. Интересно, скорее всего, это просто совпадение, но племя Медьер занимало так же, как Имак, вторую позицию в племенном союзе. Как считает М. К. Юрасов, древнененгерское сочетание «*Hetumoger*» (Хетумогер), произносимое как «Хетумодьер», дословно означает «семь мадьяр». Это слово состоит из двух частей: первая «хетю» – древнененгерское числительное «семь», вторая – собственно этноним «модьер». Тут же он проводит аналогии (вслед за Ю. Неметом и В. П. Шушариным) с названием объединений тюркских племен: «десять огуров (Он-огур), девять огузов (Токуз-огуз), девять или тридцать татар», что позволяет говорить о том, что мадьяры «были связаны происхождением и культурой» с тюрками (Деянция Венгров 2007, 93, 95). С такой убедительной аргументацией, думаю, следует согласиться. Если дальше развить эту тему, то число «хетю», «*hetu*» (семь) полностью соответствует его древнетюркскому эквиваленту «*jetü*» (йети, джетü) (Древнетюркский словарь 1969, 259) с тем же числовым обозначением. В этническом составе кыпчаков западного объединения существовало племя йитоба, иетиоба, йетä, йети-оба – семь родов (Кумекоев 1990, 118–121); у башкирских кыпчаков зафиксирован род «джете уру» (Кузеев 1974, 115–116). В структуре казахов Младшего жуза есть племенное объединение жетü ру («семиродцы»). Такая традиционная система создания племенных союзов могла появиться только в ранний период истории мадьярского народа, когда они находились в непосредственной зоне воздействия потестарно-политической культуры тюркских народов восточной половины евразийского региона. Как доказывают лингвисты, большинство названий мадьярских племен суть тюркского происхождения, вместе с тем сам язык относится к угорской семье. Этот «этно-языковой феномен» истории мадьяр, пока, думаю, не нашел соответствующего разъяснения в науке.

<sup>8</sup> Хотя, В. П. Шушарин, в своем комментарии к книге Константина Багрянородного, по названию племени «Мегери» («Медьер») оспаривает ранее поддерживаемое им мнение, «согласно которому племя Медьер играло ведущую роль в союзе племен во главе с Арпадом, ставшим основателем династии королей Венгрии», ссылаясь на исследование Györfy Gy. (Györfy Gy.: *István király és műve*. Budapest 1983; Györfy Gy.: *Honfoglalás és megtelepedés*. In: *Magyarország története*. Szerk.: Székely Gy. Budapest 1984, 577–650, 1624–1639). 1983 и 1984 (Константин Багрянородный 1991, 395). В то же время, как объяснить, что название именно этого древнемадьярского племени стало общим этнонимом средневековых мадьяр? Безусловна самоочевидность такого вывода

ческой общности. К этому этнокультурному окружению древних мадьяр имеют отношение большинство раннесредневековых тюркских народов западно-евразийского региона: хунгар, хазар, болгар (болгар, балкар), сувар (субар, савар, савир), авар (абар, апар), кабар (кавар), кангар и др. Этнополитический состав, язык, культура, институты власти перечисленных этносов были настолько синкретичными, что до сих пор ученым нелегко установить их этническую природу и специфику. Главным препятствием для комплексного изучения следует считать дефицит исторической информации, что обусловлено скудностью источниковой базы, недостаточностью фактических сведений. Соответствующую научно обоснованную интерпретацию истории этих народов еще предстоит осуществить.

Вопросы о том, где, когда и как предки мадьяров появились и формировались до их исторической фиксации в достоверных источниках в Восточной Европе необходимо отнести к разряду сложных и неоднозначно трактуемых проблем современного мадьяроведения. Выдвинутые научные концепции не всегда в полной мере могут ответить на поднятые проблемы и адекватно отразить имеющийся в научном сообществе и среди других слоев общества огромный интерес к ранней истории мадьярского народа. К сожалению, вплоть до IX в. отсутствуют верифицируемые письменные известия о ранних мадьярах. Тем самым следует признать, что древний азиатский период истории мадьяр продолжает оставаться в большей степени «terra incognita» как для исследователей, так и для широкой заинтересованной этим вопросом общности. Ясно обоснованных, конкретных интерпретаций, поставленных вопросов, пока в

науке нет. Это, конечно, не значит, что решение этой проблематики практически зашло в тупик. Внимательное, а где-то скрупулезное изучение известных специалистам источников может дать возможность увидеть не реализованный потенциал старых изысканий или новый вектор перспективных разработок. На какой территории и в соседстве с какими народами до IX в. проживали протомадьярские племена? Если они действительно находились в восточной части евразийских степей в смежных с тюркскими племенами районах, то почему источники об этом ничего не сообщают?

Возможно, это следует объяснить тем, что они (предки мадьяров) политически входили в стратифицированную структуру более крупных разноплеменных союзов древнетюркских народов, которые были инкорпорированы в гуннскую (огуро-булгарскую) конфедерацию, затем составляли основу сначала Первого тюркского, а впоследствии Западно-Тюркского каганатов середины VI – начала VIII вв.<sup>9</sup> Среди тюркских кочевых племен средневековья и даже нового времени инородные сегменты, насильственно или добровольно включенные в племенную систему клана-доминанта (имперской политической конструкции), носили единое для внешнего наблюдателя племенное название рода-лидера (потестарного патрона), которое покрывало своим названием другие подвластные группы. Причем, зависимые рода могли сохранять свое первоначальное (настоящее) наименование для внутреннего употребления, но из-за политической конъюнктуры и подчиненного положения принимали на себя племенное имя или расширенное этнополитическое наименование завоевателей-победителей<sup>10</sup> – основателей кочевых

<sup>9</sup> Л. Н. Гумилев, давая пояснение, почему венгров в восточных источниках называли «тюрками», в примечании к тексту М. И. Артамонова «История хазар», писал, что ранние мадьяры находились в составе Западно-Тюркского каганата и вышли из-под власти тюркутов после 631 г. и, затем, вероятно, попали в сферу влияния хазар (Артамонов 1962, 338). Как отмечает Е. С. Галкина, «предки мадьяр жили в степях Зауралья и со 2-й половины VI в. по 2-ю половину VII в. находились в зависимости от Тюркского каганата. С 630-х гг. в Западном Тюркском каганате начались смуты, и он начал быстро распадаться. Примерно в это время и началось формирование мадьярского этноса из кочевых племен, расселившихся по рекам Уфа, Белая, Кама» (Галкина 2003).

<sup>10</sup> Крупнейший специалист в области истории тюркских народов Ю. А. Зуев в одной из последних своих работ сделал необходимое пояснение по этому аспекту: «для периода становления государственности у раннесредневековых народов Центральной Азии, когда название господствующего племени (этноним) становится обозначением всего разноэтнического по составу объединения (политонимом), или по другим причинам, которые не перечислять, это явление можно отнести к числу характерных» (Зуев 2004, 33).

империй (Элей, Каганатов, Улусов, Орд, ханств). Поэтому средневековые писатели, характеризуя корпоративные объединения кочевников по господствующему, общему для всех клану, не всегда вдавались в подробное описание их внутреннего племенного состава. Поэтому отсутствие упоминаний в письменных источниках прежних этнонимов (или этниконов)<sup>11</sup> евразийских кочевников, а затем их «неожиданное воскрешение» следует понимать, как изменение этнополитической ситуации, при которой они избавились от своего подвластного состояния.

Безусловно, этнокультурные контакты и взаимоотношения мадьяров и тюрков хронологически могли занимать не одно столетие. Наличие тюркизмов в современном венгерском языке (по одним данным около или более 400 слов, по другим до 1000 терминов) подтверждает то, что они заимствовались в ходе длительных и тесных культурных взаимосвязей с тюркскими народами Евразии. В раннесредневековый период (VI–VIII вв.) в евразийской степной зоне полностью доминирующей военно-политической силой стали тюркские кочевники – выходцы с Центральной Азии. Значительная часть дотюркского населения евразийских степей, разговаривавшая на восточно-иранских языках и диалектах (сармато-аланские племена), а также какие-то мадьярские (угроязычные?) группы были глубоко тюркизированы и асси-

милированы номадами центрально-азиатского происхождения. Параллельно отмечается сильное влияние со стороны автохтонных племен на тюркских мигрантов, что видно по терминологии в сфере управления, наименованиях административно-политических должностей чиновников, религиозной жизни этнопотестарных объединений евразийских кочевников. Процесс этнокультурной и языковой тюркизации этих исконных обитателей евразийских степей не был тогда полностью завершен и продолжился в эпоху распространения кыпчакских языков XI–XIII вв.

В исторической науке Венгрии и России, начиная с XIX в., обоснованно аргументируется, что до западной миграции отправной областью обитания протомадьяр был район Южного Урала. Казалось бы, этот вывод давно доказан и не оспорим. Но есть одно существенное обстоятельство, которое следует иметь в виду. Даже если признать, что первоначальным ареалом местопребывания древних мадьяр была, так называемая, «Великая Венгрия» (*Magna Hungaria*), соотносимая специалистами с территорией современной западной и центральной частью Башкирии, то выход большой массы населения из этого района в юго-западном направлении и ее переход к кочевому образу жизни не мог произойти попутно или быстро.<sup>12</sup> Для овладения навыками ведения кочевого скотоводческого

<sup>11</sup> Под понятием «этникон» следует понимать наименование данного этноса (народа) представителями других этносов на их языке (или шире в их восприятии). В научной этнологической литературе встречается близкие этому понятия: «аллоэтноним», «экзогенный этноним». В последнем случае букв. «внешний» этноним, т.е. данный извне. В свою очередь «этноним» – понятие, обозначающее самоназвание этноса или «автоэтноним».

<sup>12</sup> На это еще обращал внимание известный российский ученый XIX в. Н. Я. Данилевский в своей рецензии на труд К. Я. Грота по ранней мадьярской истории. В этой связи он писал: «надо предположить, что угры, пустившись в свое странствование из Биармии в Лебедию, уже были кочевниками и наездниками, и, следовательно, шли путем возможным для кочевников, т.е. не лесом, а степями». Далее у него эта мысль звучит более четко: «они, т. е. угры уже в прародине (не в первой, а во второй, не в Биармии, а в Башкирии) должны были совершенно отуречиться, обашкириться, т. е. сделаться вполне кочевниками. Когда и как это могло произойти? Во времени тут недостатка нет, так как дело происходило за исторической сеной, могло происходить медленно и постепенно рядом небольших переселений из Биармии в Башкирию в течение VIII, VII, VI, V-го, одним словом скольких хотите столетий. Здесь от лесной охотничьей жизни в лесах Башкирии они постепенно могли переходить к пастушескому быту, заимствуя его, пожалуй, от небольших турецких племен, тут же мирно кочевавших, переходить, потому что жизнь кочевая легче, обеспеченнее жизни звероловной, переходить и смешиваться, причем финское ядро обрастало турецкой оболочкой во всех отношениях, в том числе и в языке». Так что «в этом втором доме они сделали наездниками без сомнения под влиянием турецких кочевых племен, Башкир ли или других каких – это все равно, но только непременно здесь – под двойным влиянием: турецких племен и топографических условий местности» (Данилевский 1883, 235–237). В XIX в. популярной была версия о северном происхождении мадьярского народа из полулегендарной страны Биармия (Бьярмия, Пермь?), локализуемой исследователями на большом пространстве северо-восточной Европы. Сейчас такой подход к древней истории мадьяр следует признать анахронизмом. Наиболее предпочтительным или приемлемым мне представляется выход на историческую

хозяйства был необходим адаптивно-аккультурационный переходный период, при котором оформились бы и утвердились основы кочевой скотоводческой экономики и культуры. Это заняло бы определенное время, как минимум четыре – пять поколений. В этой связи, достаточно очевидно, что ранние мадьяры, известные по первым письменным известиям восточных авторов, продолжительное время вели кочевой образ жизни, предположительно, в северной и западной частях современного Казахстана<sup>13</sup> или в Южном Приуралье. Еще в 60-х гг. XX в. венгерский антрополог Тибор Тот, анализируя остеологический материал, пришел к выводу, «что ареалом процесса преобразования лицевого скелета угорских предков древних венгров являлся Северный Прикаспий», куда входило пространство «от низовья Волги до Мугоджара»,<sup>14</sup> т.е. территория Западного Казахстана. Присутствие древ-

немадьярских племен в раннем средневековье в обозначенном районе не подлежит сомнению.<sup>15</sup> Естественно сложившиеся степная и полупустынная экологические ниши жестко диктовали, обитающим здесьномадам, пространственные меридиональные кочевые маршруты по стержневому направлению Север–Юг<sup>16</sup> и по его второстепенным географическим вариациям.

Мадьяры, вторгнувшись в причерноморские степи с востока, аттестуются в хрониках и летописях как народ, который по признакам кочевого хозяйственно-культурного типа резко не отличается от других соседних номадов. Мусульманские историки и географы, а также византийские источники описывают мадьяр, как стандартных (типичных) степных кочевников. Обнаруженные и археологически идентифицированные раннемадьярские погребальные памятники показывают большое сходство с культурой ев-

---

арену древних мадьяр из восточной зоны евразийских степей, связанной с лесостепной областью Западно-Сибирской низменности. И. Маркварт размещал прародину «Ursitze» мадьяр в так называемой «южной *Ugria*», в окрестностях Ишимы и Барабинской степи (к востоку от Омска)» (MARQUART 1903, 53). Как показывают археологические и антропологические данные, именно в этом регионе происходила интенсивная метисация и дальнейшая ассимиляция древнего населения Сибири тюрками, продвигавшимися с юго-востока из Центральной Азии (Монголия, Алтай). Об этом районе как древнейшей «протомадьярской» прародине, существовавшей в гуннскую эпоху и археологически идентифицируемой, как саргатская культура (ERDELYI–BENKŐ 2005, 5–18). Но Н. Я. Данилевский абсолютно прав в том, что «отуреченные» (подвергнутые тюркизации) мадьяры находились очень длительное время «под двойным влиянием» смежных тюркских племен и природно-географических условий степной экосистемы.

<sup>13</sup> В конце 80-х гг. XX в. в Актюбинской области Казахстана, недалеко от поселка Караой (Жетыкуль) Уилского района, было случайно найдено дюнное (в песках) захоронение средневекового воина и сопутствующие предметы: «стандартный набор вещей из погребений VIII–IX веков нашей эры – три налобные бляхи конской узды, птицевидные нашивки-амулеты». Археологи С. Ю. Гуцалов и А. А. Бисембаев идентифицируют и связывают это погребение и обнаруженный инвентарь с пребыванием в этом районе каких-то протомадьярских групп.

<sup>14</sup> Тот 1968, 68–69.

<sup>15</sup> Сравнительно-генетические исследования, проведенные недавно группой венгерских антропологов во главе А. Биро, показали, что между дальними предками казахских мадьяров, обитающих в Торгайском бассейне Казахстана и предками венгров (мадьяров), когда-то существовал генетический контакт в рамках одной популяции. Возможно, что древние мадьяры оставили в Центральной Азии свой родовой след. И именно западноказахстанский (приаральский) ареал может считаться одной из зон их обитания (BIRÓ–ZALÁN–VÖLGYI–PAMJAV 2009, 305–310, fig. 4) и важным этапом формирования древнемадьярской общности.

<sup>16</sup> Даже в позднее средневековье и новое время (XV–XVIII вв.) среди казахов господствовал такой тип кочевания, при котором кочевые хозяйства в весенне-летний сезон двигались на север и северо-запад, а в холодный период (осень-зима) кочевали в обратном направлении, где стояли несколько месяцев. Это было обусловлено преобладанием зимних пастбищ на юге кочевого цикла, теплым климатом, хорошей продуктивностью растительного покрова, высокой кормовой производительностью природных ресурсов, наличием удобных водоемов (Тольбеков 1971, 519–520; Масанов 1995, 66; 88 и др.), близостью оседлых оазисов и т.д. Поэтому все более или менее постоянные стойбища кочевников были в этом ареале. Амплитуда и радиус кочевания в юго-западном и западном Казахстане были огромные и достигали иногда 2000–2500 км (Масанов 1995, 81–82; Цинман 1992, 49, 72). Район Приаралья и нижнего течения р. Сырдарья был зоной смыкания путей и смежных сезонных стационарных центров средневековых кочевников, имеющих здесь зимние стоянки. Природно-климатические условия, диктовавшие хозяйственно-экономические закономерности относились к числу долговременных (фундаментальных) детерминантов существования кочевого общества, которые могли меняться в силу продолжительных климатических флуктуаций, катастрофических природных (эпизоотии, джугты), демографических и политических катаклизмов – войны, междоусобицы, нападения и связанные с ними переселения и т.д.

разийских кочевников<sup>17</sup> предшествующего и синхронного периодов. Поэтому вполне закономерно и далеко не случайно, что такой осведомленный византийский автор, как Константин Багрянородный, называет кочевников-мадяров устоявшимся корпоративным этнополитонимом – «турки» (Тоуркои),<sup>18</sup> что ярко свидетельствует об их близости по внешнему образу жизни и является этнокультурным маркирующим признаком близости к тюркским народам евразийского историко-культурного ареала. Персидский автор Гардизи в сочинении «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий»)<sup>19</sup> в интересующем контексте сообщает следующее: «*Между владениями болгар и владениями эскелей, тоже принадлежавших болгарам, находится область мадьяр. Эти мадьяры — тоже тюркское племя.*»<sup>20</sup> В компилятивном географическом трактате 982 г. «Худуд ал-Алам» («Книга о пределах мира от востока к западу») неизвестного персоязычного автора

мадьяры (маджгари – Majghari) причислены к «разновидности тюрков [существующих] в мире».<sup>21</sup> При этом, в этом сочинении, после рассказа о стране кыпчаков (§21),<sup>22</sup> сказано сразу о мадьярах (§22).<sup>23</sup> Такая последовательность, видимо, не случайна и указывает на какие-то контакты или географическое соприкосновение их владений.

Есть еще один значимый момент в пользу «тюркского» происхождения – антропонимия древней мадьярской знати. Имя легендарного предка венгерских королей Юдьек, Ёдьек (Ügyek) – отец Алмоша или дед Алмоша, переводится, как «святой»,<sup>24</sup> но «может происходить из венгерского, точнее, из заимствованного тюркского слова *ügy* – *egy*».<sup>25</sup> Алмош, Альмош, Алмуц (Álmos), происходящее от венг. *alom* – сон, но, по мнению ряда специалистов, является тюркским именем (например, Алмуш, Алмыш – эльтебер волжских тюрков-булгар 922 г.). Имя

<sup>17</sup> По словам М. И. Артамонова, «для характеристики той среды, из которой вышли мадьяры, определённый интерес представляет Стерлитамакский могильник VIII–IX вв., где обнаружены погребения воинов с характерным вооружением и конской сбруей. Представленные здесь вещи – сабли, боевые топоры, наконечники стрел, стремени и прочие, – не отличаются от вещей того же времени, распространённые у всех кочевых и полукочевых народов Евразии». В то же время «здесь находится своеобразная керамика в виде грубых круглодонных сосудов, украшенных рядами вдавленных, вовсе не свойственная аланским и тюркским погребениям и генетически восходящая к формам, характерным для местного населения с глубокой древности. Этот могильник оставлен не аланами и не тюрками, а народом финно-угорского круга, к которому принадлежали и мадьяры» (Артамонов 1962, 339).

<sup>18</sup> Относительно давно советский тюрколог А. Н. Кононов отмечал, что термин «тюрк» («türk») это собирательное имя, обобщенное значение которого было принято на значительной территории Евразии и оно «объединяло многие племена различного расового и этнического происхождения» (Кононов 1949, 47). Для Л. Н. Гумилева отнесение мадьяр к носителям «культуры, которую в VII–XI вв. называли тюркской, вполне закономерно, так как в эту эпоху термин «тюрк» ещё не имел лингвистического значения» (Артамонов 1962, 338). Византийские авторы по отношению к мадьярам впервые применили название «турки» в 902 г. Отталкиваясь от этого, В. П. Шушарин связывает использование этника «турки» по отношению к мадьярам с византийской литературной традицией, идущей от речи Арефы и военного трактата «Тактика» Льва VI Мудрого начала IX в. Лев Мудрый, сравнивая описываемую им военную организацию и тактику мадьяр с аналогичной характеристикой, представленной в трактате Маврикия VI–VII вв. о тюрках («кёктюрк»), «нашел эти описания соответствующими его сведениям о мадьярах и перенес данные Маврикия, модифицировав их, на мадьяр, обозначив последних также этником «турки» (Константин Багрянородный 1991, 286).

<sup>19</sup> В изданном переводе этих известий у Д. А. Хвольсона интересующий нас фрагмент переведен несколько иначе: «*между землей печенегов и землей болгарских эсегель лежит первый из краев мадьярских. Мадьяры эти – тюркское племя*» (Хвольсон 1869, 25). Здесь разница лишь в том, что вместо «болгар» отмечены «печенеги», а также говорится о «первом» мадьярском крае. Комментируя «Худуд ал-Алам», В. Ф. Минорской перевел Гардизи следующим образом: «*между страной Булкар (Bulkar) и страной Асгил (Asgil), которые также из булкар, расположены границы маджгари (Majghari). Они – разновидность тюрков и их салар (salar) (имеет) 20 000 лошадей*» (Minorsky 1937, 320). Салар (иран.) – титул вождя, предводителя мадьяр.

<sup>20</sup> Бартольд 1973, 37, 58.

<sup>21</sup> Minorsky 1937, 317.

<sup>22</sup> Minorsky 1937, 317.

<sup>23</sup> Minorsky 1937, 317.

<sup>24</sup> Деяния венгров 2007, 82.

<sup>25</sup> Такого слова в древнетюркском языке я не нашел, но имеется понятие «ügi», «ügü» – в значении молот, растирать (Древнетюркский словарь 1969, 622–623). Московский тюрколог О. А. Мудрак в своей работе приводит похожее соответствие из уйгурского языка: «ige (~igi-), ege (~egi-) 'хозяин'» [Мудрак] работ существует только в электронном формате.

знаменитого венгерского вождя (надъфейдедем – «великий князь») эпохи «обретения родины» Арпад (Árpád) и основателя династии Арпадов (Árpádok) этимологизируется из тюркского «ágra» – «ячмень», уменьшительное – «ячменный или ячменек». Антропоним сопровителя Арпада – Күрсан (*Kursán*), также, видимо, восходит к тюркскому слову. Показанный заметный пласт тюркской по семантике антропонимии у древнемадьярской аристократии – результат мощного влияния тюркской культуры.<sup>26</sup>

У Арпада, «великого архонта Турции», было четыре сына. Имя первого Таркацус (от венг. Таркачу) выводится от тюркского значения «высыпаться, выступать, возникать, происходить» или может быть обозначало «достоинство, сан». Данный термин отражен в восьми топонимах Венгрии. Имя второго сына Иелех (от венг. Юллё), идентифицируемый с упоминаемым в венгерском Анониме «дядей» Арпада, «отцом двух вождей мадьяр, пришедших в Среднее Подунавье», происходит от тюркского слова в значении «князь» (или «есть, потреблять»). В документах венгерского королевства упомянуты «два таких антропонима и шестнадцать топонимов, в которых он отражен. Имя третьего сына Иутоцус (от венг. Юташ или Ютоша) упомянуто один раз в сочинении Константина Багрянородного и происходит от тюркского слова со значением «лакомка». Есть два аналогичных ему антропонима в документах и пять в топонимии Венгрии. Имя четвертого сына Залтас, (от венг. Золтан, Зулта) фигурирует в исторических сочинениях коро-

левства Венгрии как сын Арпада. Слово происходит от арабского термина, обозначающего сан («султан»), попало в язык мадьяр при посредстве тюрков. Антропоним единожды отражен в документах и дважды в топонимии королевства Венгрии. Такие древневенгерские имена, как «Тевел» (от тюрк. «верблюд»), «Такшонь» или «Таксис» (видимо, от тюрк. «сытый»), «Таш» или «Тясис» (от тюрк. «камень»), «Тормаш» или «Термацус» (тюрк. «высыпаться, выступать, возникать, происходить» или «стоять, вставать, вышаться, существовать», или «жить»), также вероятно имеют тюркские корни.<sup>27</sup>

Можно ли предполагать, что военно-политическая элита древнемадьярского общества была тюркской (тюркизированной) или тюркоязычной? Такая гипотеза, в целом, не противоречит данным независимых источников. Есть и конкретные примеры в истории соседних народов. Так, у хазар потестарно-династийной верхушкой были выходцы из западной ветви древнетюркского рода Ашина. В традициях государственности тюркских и монгольских народов средневековья правом на верховную власть обладали представители (потомки) правящего дома (семейства), например, «Золотого рода» Чингизидов или легитимизированные политические лица, связанные родством (мнимо или реально) с этой династией.

Таким образом, византийские авторы и восточные историко-географические трактаты уверенно относят мадьяров к тюркской группе народов,<sup>28</sup> обитавших в степях Восточной

<sup>26</sup> Сказочная птица Турул в венгерской мифологии является тюркским обозначением ястреба. Злой дух (чёрт) – ёрдек также по происхождению является тюркским (Петрухин 2005, 426, 429).

<sup>27</sup> Константин Багрянородный 1991, 166–167, 398; комментарии 27, 28, 29, 30, 31, 34, 35, 36 – Это номера комментариев.

<sup>28</sup> Ярко характеризует древних мадьяр «Паннонское житие» христианского проповедника Константина Философа, написанное в конце IX в. Приблизительно около 860–861 гг. (по другим данным в 856–858 гг.) Константин отправился к хазарам через Черное море и, проходя горы Тавриды, между Херсоном и Сугдеей (Сурожем) подвергся нападению мадьярского отряда, который находился в этом районе под командованием хазарского военачальника. «Возврати же ся философ в свой путь и в первый час молитву творящу ему, нападоша на нь угри, яко и волчскы воюеще, хотяше и убити» (Бодянский 1865, 12). («Вернулся же и Философ на свой путь и, когда в первом часу (т.е. глубокой ночью) он молился, напали на него угры, воя, как волки, желая убить его»). С достаточной долей уверенности можно считать, что эти воины были из древнемадьярского племени. «Куртугермат», «Кюрт» («Курт», «Qurt» – волк, древнетюрк.), т.е. клан «Волков». Аналогичные факты можно встретить в военной истории других кочевых народов. Половецкий хан Боняк, глава грозной орды «Бурчевичей» (от тюрк. Борі – волк, «бурчевичи» – «волки»), в 1097 г. накануне сражения, также глубокой ночью выехал в поле и провел обряд волхования. «Яко бысть полунощи, и встав Боняк, отъеха от вой, и почва выти волчскы и волк отвыся ему (т.е. отозвался на его зов. – А. К.), и начаша волци выти мнози» (Повесть 1950, 179). Здесь видно, что у мадьяр и половцев (куманов) существовала древняя боевая традиция, связанная с поклонением и обожествлением волка-символа, приносящего удачу воинам. Эти свидетельства говорят не просто об аналогии, но и,

Европы. Недооценивать или отрицать эти единодушные свидетельства абсолютно разных источников было бы, по крайней мере, не только не объективно, но и непродуктивно.

Проблема названия и самоназвания народов (этносов), этнических групп, племен, родов, бытовавших в историческом прошлом вот уже многие десятилетия, объект разностороннего и пристального интереса различных исторических дисциплин: истории, этнологии, лингвистики. Происхождение многих этнонимов является следствием совокупности этнокультурных, этнополитических, этногеографических, языковых, социальных и многих других процессов и факторов, а также конкретно-исторических особенностей формирования этнического состава данной этнической единицы или даже целой языковой группы. В реальной действительности и историографии можно встретить самые различные названия этносов, этнических групп, представителей титульной нации страны, которые на разных языках имеют различный смысл и содержание. Например, средневековые кыпчаки в восточных (арабских и персидских) нарративных текстах, письменных источниках именовались кифджак (хифчах), в орхонских памятниках древнетюркской письменности – кыбчак, в китайских хрониках – циньча, на Руси – половцы, у византийских и западных авторов – куманы, куны, палочы и т.д. Среди ученых, занимающихся настоящей этнической (или точнее этноисторической) тематикой, иногда идут ожесточенные споры об исходном (изначальном) названии этноса, этнической группы, племени или рода, их связь между старым (древним) составом и его названием с ныне существующими

этнотерминологией, применяющейся и сохраняющейся до сих пор. Устойчивое сохранение этнонимов на протяжении длительного периода может говорить нам не только о стабильности этнического названия и содержания, но и об устойчивости общей исторической памяти самих носителей этих этнонимов о своем прошлом, предках, родоначальниках, основателей кланов и т.д.

К этой же проблематике, думаю, относится этноним средневековых мадьяр (угров, венгров), «медьер», «могёр» (*megyer, magyar*) – самоназвание, *хунгар, huniguri, hunigari* (огур, онгур, онногур, уннугуры) – восточные или степные (тюркские), славянские и западные языки. По-видимому, наиболее ранние известия о мадьярах на Востоке есть только в арабских письменных источниках. В арабоязычном сочинении «Китаб ал-алак ан-нафиса» Ибн Руста, написанном около 903 г. или чуть позже, мадьяры фигурируют под названием «ал-Маджгария» (*al-Maggariya*), в котором, отбросив арабский определенный артикль *al-* и арабский суффикс *iya*, можно узнать современное название «мадьяры». У ал-Бекри в «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» дается описание страны маджар (*Maggariya*, «ал-Маджгария» или *bilad al-Maggariya*). Персидские авторы X–XI вв. также говорят о маджарах (мадьярах). В «Худуд ал-Алам» сообщается, как сказано выше, о стране «Maggari», расположенной на западе. У ал-Гардизи в «Зайн ал-ахбар» XI в. мадьяры также названы, как «Maggari» (или в мн. числе *Maggariyan*). В арабском сочинении «Нухбат ад-дахр фи аджа иб ал-барр ва-л-бахр» приведено название мадьяр в форме «*magar*».<sup>29</sup> В русских источниках позднего Средневековья и Нового

даже, может быть, культурной идентичности воинских обычаев мадьяр и тюрков. Сюжет о волке-покровителе широко был распространен в фольклорной этногенетике и символике тюрков и монголов Центральной Азии, башкир Приуралья (Кузеев 1974, 129–131). Как известно, в тотемной идеологии и военной культуре тюркских народов очень глубоко запечатлен образ волка и соответствующий волчий культ (об этом военизированном культе хищника у кочевников см.: Харитонов 2001, 7–9; Кушкумбаев 2009, 51–52).

<sup>29</sup> В этом ракурсе интересно, что такая словоформа, как «*magar*» (ма [жа] р), встречается и далее в письменных источниках среднеазиатского происхождения у авторов позднего средневековья в таком же написании «мажар». Здесь, вероятно, следует усмотреть определенную закономерность. Этноним «мадьяр-маджар» представлен как «мажар» без буквы «д», что позволяет говорить, как о произношении, так и написании этого термина в такой форме уже в ранний период. Кроме того, это дополнительно показывает, что этнонимы «мадьяр» (праформа *možer* → *modyar*), «можар», «мажар», «маджар», по смыслу являются идентичными и могут считаться только различными вариантами произношения или написания одного и того же понятия.

времени отмечена такая форма, как «Маджар/ Magar – Можар [ов Юрт], или Мажар [ов Юрт]», встречающиеся в «Книге Большому Чертежу».<sup>30</sup>

К числу первых сведений о появлении мадьяр в Восточной Европе в западных источниках относится произведение «Об управлении империи» Константина Багрянородного, в котором они обозначены, как указано до этого, этно-термином «турки», но прежде, особо отмечено, что они именовались «савартами-асфалами» (допустимое прочтение названия «саварты» – «Σαβίροι», «sabīroi», вар. сабиры, савиры, сувары).<sup>31</sup> В ходе войны с печенегами мадьяры разделились на две части: западную и восточную. За последними осталось старое наименование «саварты-асфалы»<sup>32</sup> («непоколебимые сабарты»?).<sup>33</sup> По всей вероятности у византийского автора прежний этникон<sup>34</sup> (или коллек-

тивное название группы разнородных племен?) мадьяр был представлен в таком пассаже, что, скорее всего, здесь скрывается более раннее вхождение мадьяр в состав суварского (савирского) круга племен западных тюрков. Сувары, сабиры, савиры по-своему этносооставу также, как и другие племенные объединения евразийского этнокультурного пространства были разнотерминовыми, в структуру которых, вполне допустимо, могли входить и древние мадьяры. Но самая интересная здесь является именно восточная часть мадьярского народа, оставшаяся где-то на востоке за Итилем (Волгой). Несмотря на это, Константин Багрянородный пишет о том, что они (оставшиеся мадьяры, напомним, «саварты-асфалы») ушли в края Персии. Между тем, трудно себе представить, что часть мадьяр, после печенежского разгрома, могла пройти через земли Хазарского каганата, начиная с запад-

<sup>30</sup> Левицкий 1978, 56–60.

<sup>31</sup> Как доказывает венгерский тюрколог Ю. Немет, наименование «сувар» семантически относится к группе тюркских этнонимов. Из арабских источников известны названия двух городов – Сувар и Суварин, один из которых находился в землях Волжской Булгарии, недалеко от Булгара, а другой располагался в северо-восточной части Кавказа. Производящим словом для этнонима «сувар» было «sumug, sur-: bojuu su- “слушаться” с корнем su-, suw-... Первоначальное значение этнонима сувар «племя покорных, послушных» (Немет 1999, 367). По сообщению мусульманского путешественника ал-Масуди X в., форма «sabir» являлась тюркским обозначением хазар. О. Прицак полагает, «что форма sawag (письменный вариант S'WYR.) была местной, в то время как sabir ~ savir— тюркской» (Голь-Прицак 2003, 55). В последнее время проблема происхождения «савир» вышла на иной уровень понимания, где отрицается тюркская основа этого этнонима. «В отличие от тюрков и изгилей, – подчеркивает М. В. Горелик, – имени савир нет в центрально-азиатской тюрко- или монголоязычной (как и иных языковых групп) номенклатуре. Само слово не имеет достаточно убедительной тюркской этимологии (хотя подобрать её можно легко, но разброс слишком велик). Лучшие же всего это слово этимологизируется из иранского «сау», «саурта» – «черные». Вероятно, именно в этой среде стоит искать истоки этого народа. Я полагаю, что такой средой с большой долей вероятности может оказаться огромный массив ираноязычных скотоводов, населявших восточное Приаралье в первой половине I тысячелетия н.э. и представленных джетыасарской археологической культурой. Часть этих племен была втянута в процесс «переселения народов», сначала гуннами, а несколько позже, в середине V в. н.э., огурами, западной частью тюркоязычных огузских (телесских) племен, которых жужань-авары вытеснили на запад и из среды которых вышли племенные объединения и союзы оногур, сарыогур, болгар, хазар и др.» (Горелик 2002, 27–28). Все это еще раз указывает на разнообразные и очень непростые этнические контакты древних насельников евразийских степей и много характерные этнические процессы, протекавшие в кочевых обществах.

<sup>32</sup> Исследователи связывают термин «асфалы», «асфалой» с болгарским племенным названием «эскэл», «эсегель», «asgil»: саварт + эскел (Вашари 1998, 37), потомками которых считаются венгерские секеи (секель), которые до XV в. использовали руническое письмо. В состав левого крыла огузского племенного союза (Ок-Тугра-Огуз) – учук (ассимилированные, инкорпорированные группы, в том числе и тюркизированные сарматы), входило племя язгыр (языр). По-видимому, в основе этого этнонима лежит корень ас (яс, аз, ус, уз).

<sup>33</sup> Константин Багрянородный 1991, 159–161, 392.

<sup>34</sup> Скорее всего, это старый «мнимый» этникон мадьяр. Вместе с тем, это может служить свидетельством старых этнокультурных (этногенетических?) взаимосвязей предков мадьяр с савирами (суварами), известных по более ранним известиям византийских источников. В научной литературе существует версия, что савиры пришли в восточно-европейский регион откуда-то с востока (приаральские степи, Центральная Азия) или даже из отдаленной Западной Сибири. М. В. Горелик предполагает, что «венгры, прикочевав в Восточную Европу, представлялись новым соседям не своими, никому не известными прозваниями, а славными именами своих неожиданных союзников-побратимов («анта») – кабар, которое «было совершенно в традициях кочевников» (Горелик 2002, 27).

ных пределов этой державы и далее через Кавказ попасть в персидские владения в Закавказье.<sup>35</sup>

В средневековой Венгрии всегда помнили о приходе первых венгров из евразийских (восточных) степей. Из устных старых преданий знали, что там осталась другая часть родственного им мадьярского населения. В гл. 38 «Об управлении империей» приведен рассказ, как я уже сказал, о причинах раздела мадьяр на западных и восточных, источником которого послужили сведения, полученные от самих мадьяр. *«Когда же меж турками (мадьярами – А. К.) и пачинакитами, тогда называвшимися кангар<sup>36</sup> (Кáгуар), состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, – они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах, именуемых Ателкузу».*<sup>37</sup> Эта информация подтверждается венгерскими источниками. К. Багрянородный продолжил повествование так: *«к вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку, в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные, и поныне посылают торговцев и навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания».*<sup>38</sup> По всей вероят-

ности, такие контакты в первой половине X в. между западными и восточными мадьярами еще были. Мадьярские информаторы византийского императора говорили об этих связях, как регулярных отношениях, осуществлявшихся из той и другой стороны. Причем «ответные послания» с востока передавались, более чем вероятно, не только устно, но и письменно.

События, связанные с разделением некогда единого мадьярского народа, произошли, вероятно, как более логично доказывается, не в причерноморском районе, а намного восточнее, в урало-казахстанских степях под напором тех же печенегов, огузов, кимаков. Если ориентироваться хронологически, то это относится к рубежу VIII – начала IX веков. Возможно, процесс разделения занимал более длительное время, чем принято считать, и начался раньше в Поволжско-Уральском междуречье (или восточнее этого региона?) и продолжался несколько лет или даже десятилетий. Чем дальше уходила на запад эта ветвь мадьяр, тем менее поддерживались связи между ними и оставшимися на востоке мадьярами. Причем западные и восточные ветви мадьяров помнили долгое время, после разделения, о существовании двух ответвлений этой древней этнической общности на уровне преданий, сказаний и другой вербально переда-

<sup>35</sup> М. И. Артамонов почти полвека назад отмечал, что, вероятно, автор *«смешал мадьяр с савирами, которые много раньше, не только IX, но и VIII в. действительно проникли в Закавказье и, поселившись там, стали известны под именем севордик (савардиев), причём название это распространялось и на позже появившихся в Закавказье хазар. Савиры, как мы видели, происходили из той же среды, что и мадьяры и это могло послужить поводом считать тех и других частями одного народа»* (Артамонов 1962, 349). В этой связи В. П. Шушарин совершенно правильно заметил, что *«в Персии мадьяроязычный этнос неизвестен, а в двух других регионах восточнее Северного Причерноморья, где локализуется мадьяр ал-Джайхани, средневековые памятники зафиксировали мадьяроязычное население: в 1235 и 1237 гг. в бассейне одного из левых притоков средней Волги (на территории т.н. Великой Венгрии, о расположении которой существуют различные мнения...) жило население, понимавшее язык придунайских мадьяр и сохранявшее предание об общем с ними происхождении; в начале сороковых годов XV в. францисканцы безуспешно пытались обращать в католичество в верховьях Дона, мадьяроязычное население»* (Шушарин 1997, 112; об этом более подробно см.: Шушарин 1997, 157–166). М. В. Горелик, анализируя эту проблему в ракурсе своего интереса, также пришел к выводу, что император, *«передавая рассказ о переселении части «савартойасфалой»... ошибочно связал это с известным ему фактом недавней истории венгров — печенежским погромом. Так что никаких венгров IX в. в Персии искать не стоит — там с VI в. жили савиры»* (Горелик 2002, 29). Эта ошибка средневекового писателя привела многих ученых к поиску мадьяр в Иране.

<sup>36</sup> Кангары (кенгерсы – древнетюркских рунических памятников) – древние насельники страны Канга (Кангх), расположенной в среднем и нижнем течении р. Сырдарья со столицей Кангу-Гарбан. Кочевники-кангары объединили вокруг себя союз печенежских тюркоязычных племен и уже во главе них мигрировали в степи Восточной Европы. Сведения источника о «пачинакитах» (печенегах), «тогда называвшимися кангар», позволяет относить это известие к более раннему времени, ориентировочно к VIII–IX векам. В этот период печенеги и мадьяры, видимо, еще жили рядом в азиатской части, на территории западного Казахстана. Представляется допустимым такая трактовка данного сообщения.

<sup>37</sup> Константин Багрянородный 1991, 159–161.

<sup>38</sup> Константин Багрянородный 1991, 161–163.

ваемой межпоколенной информации. Эти устные сведения (очень консервативные по своей сути) о прошлом имеют, как правило, очень существенное значение при анализе первоначального периода этногенеза народа.<sup>39</sup>

Отмеченный выше российский исследователь XIX в. Д. А. Хвольсон, систематизировавший сведения о раннесредневековых мадьярах, выдвинул гипотезу, согласно которой этнонимы мадьяр (маджар) и башкир (башгард) очень близки и имеют общие истоки. Изначальной формой этого слова был термин «Баджгард», который показал определенную эволюцию:<sup>40</sup>

Башгард	Баджгар
Башкард	Моджгар
Башкарт	Маджгар
Башкерт	Маджар
Башкирт	Мадьяр
Башкир	

В данной реконструкции, не совсем понятно, как буква «б» превратилась в «м». Его точка зрения до сих пор копируется везде и «кочует» из работы в работу, став для определенного круга исследователей «глубокой старины» фактом неоспоримым. Признавая некоторые доводы Д. А. Хвольсона и других исследователей об этнической близости мадьяр и башкир средневековья, в то же время следует указать, что эти термины никак не связаны между собой в филологическом (лингвистическом и понятийном одновременно) отношении и имеют различный смысл и несут, соответственно, разное содержание.

Слово «мадьяр» (медьер) лингвисты выводят из финно-угорского праязыка от формы мадь/медь, в значении «мужчина, человек, говорящий человек». По мнению башкирского этнографа Р. Г. Кузеева<sup>41</sup> со ссылкой на исследование J. Lotz,

изданное в 1956 г., указывается «три слова из семейства *madyar*»: 1) *mod'er* – как страна мадьяр; 2) *mod'ar* – антропоним (имя вождя); 3) *med'er* – в этнонимическом смысле. Причем корень *mod* относится к стране или венграм вообще, а *med* является основой названия (этнонимом) племени, имя которого становится названием народности венгров.<sup>42</sup> С точки зрения историка-лингвиста В. В. Напольских «самоназвание венгров *madyar* < \**mazar* (равно как и древневенгерское племенное название *megyer* < \**mezer*) восходит к композиту \**manс-ar* / \**menс-r*, первый элемент которого имеет по крайней мере праугорское происхождение – ср. манс. (юж.) *manсі*, (сев.) *man si* ‘манси’ (самоназвание), хант. (вост.) *mant'*, (сев.) *mas* ‘мось’ (название фратрии обских угров), а второй, скорее всего, восходит к тюркскому корню \**ag* – ‘муж, мужчина’.<sup>43</sup> Это очень важный, на мой взгляд, и принципиальный вывод, т.к. он правильно указывает на смешанное (неоднородное) происхождение как этнотермина (самоназвания) «мадьяр», так и на сложный этнический состав средневековых мадьяр, включающий как угорские компоненты, так и тюркские этноэлементы уже на раннем этапе мадьярского этногенеза. Думается, что выявленная «дуальность» (если так можно сказать) семантического содержания этнонима «мадьяр» (древ. «медьер»), «*mod*», «*med*» (угор.) + «*ag*» (тюрк.) могла произойти только на начальном этапе мадьярской истории, так как это самоназвание мадьяры затем принесли в Европу и стали со временем известны соседним народам. Слово *ар/эр/ир*, считают тюркологи, было заимствовано тюрками из иранских (шире индоевропейских) языков на рубеже хуннской и древнетюркской эпох в середине I тыс. нашей эры, когда активно происходило языковое взаимодействие иранских

<sup>39</sup> Об этом мне уже приходилось писать (Кушкумбаев 2007, 131–137), но в настоящей работе дано более развернутое изложение затронутого аспекта.

<sup>40</sup> Хвольсон 1869, 114.

<sup>41</sup> Кузеев 1974, 127.

<sup>42</sup> Далее Р. Г. Кузеев продолжил мысль: «как могло происходить развитие угорской этнонимии в условиях Поволжья и Приуралья? На этот вопрос можно найти ответ в исследовании Д. Немета, который также различает формы *тодуар* и *тодуер*. Развитие обоих вариантов, по словам Д. Немета, «мы наблюдаем в древней России». Из варианта *тодуар*, который имел древневенгерскую форму *тоžer* (соответственно — *можар*, *мажар*), из варианта *тодуер* развивается *теžer* и далее *ti(š)žer* и *tišar*» (Кузеев 1974, 127).

<sup>43</sup> Напольских 2002, 246.

и тюркских языков. Причем именно к этому периоду как раз относится и появление этнонима «мадхар», «мадьяр»,<sup>44</sup> что позволяет, следует отметить, аргументировано относить ранних мадьяров к числу народов Евразии, этнокультурно (или этногенетически?) связанных с древнетюркским сообществом племен.

Выдвинутое положение еще раз подтверждает давние и обоснованные выводы этнографов и этнологии, что односоставных этносов (или проще говоря, чистых этнических групп) нет и не было, особенно (или в частности) на территории евразийских степей древности и средневековья. В условиях доминирования кочевого типа экономики проживавших здесь народов и соответствующего ему мобильного образа жизни с разнообразными контактами (политическими, этническими) практически невозможно было сохранить «этническую чистоту». Протекавшие этнокультурные процессы нельзя трактовать однозначно и только как однолинейное эволюционное развитие в одном направлении – мегатенденции сложения народа на базе одного-двух этноязыковых групп. Живая этногенетическая практика может, несомненно, оказаться намного сложнее тех схем и концепций, выдвигаемых специалистами, порой сильно увлеченных собственными гипотезами и построениями и иногда такое мировоззрение (подход) вообще в своем «логическом развитии» доходит до того, что не принимает рациональные доводы других исследователей.

Возможно, я выскажу мысль несколько «банальную» и на первый взгляд, принимаемую большинством этнологов и историков с теми или иными оговорками. С моей точки зрения, по отношению к этнополитическим объединениям древних и средневековых кочевников Евразии понятие «этнос», выработанного этнологической теорией XX в., вряд ли применимо в полном смысле этого (заметим в большей степени научного) термина, т.к. существует и употребляется в исследовательской практике множество определений, бытующих в этнографической и другой

литературе. На сегодняшний день нет пока универсальных дефиниций, раскрывающих понятие этноса, которое бы устраивало всех, особенно тех, кто профессионально и целенаправленно занимается разработкой этнических аспектов (проблемой этногенеза) исторического прошлого. Одновременно следует обратить внимание на то обстоятельство, что в поликомпонентной этнономенклатурной иерархии тюркских и монгольских народов функционировало (использовалось) собственная внутренняя клановая (родоплеменная) классификация, которая надо отметить по своим принципам и таксонам не всегда совпадает с подходами этнографической науки. При этом, она также находилась под влиянием исторической динамики.

Приблизительно в начале или первой половине IX в. раннесредневековые мадьяры (венгры), как давно обоснованно считается, оторвались от своего исходного (главного?) «этноколлектива», обитавшего где-то на Востоке, или, условно говоря, ведущего базового этнического «ядра». Вопрос о восточной прародине древних мадьяр дискутируется уже много лет, начиная с XVIII–XIX вв. Выдвигались и до сих пор появляются множество гипотез, точек зрения, концепций среди исследовательского корпуса по этой неоднозначно понимаемой и интерпретируемой проблематике. В небольшом историческом экскурсе почти невозможно охватить все представленные и изложенные за два века теоретические концепции и доводы, имеющиеся в историографии по этой сложной теме. Для этого надо сделать специальное исследование, посвященное этой тематике по отдельным аспектам. Обнадёживает, что такие исследования стали появляться в последнее время именно среди венгерских (мадьярских) историков.<sup>45</sup>

Вместе с тем, теперь можно отметить, что вопрос о восточном (можно сказать евразийском) происхождении западных мадьяр (венгров), попавших в центрально-европейскую Паннонию, не вызывает сомнений у большинства специалистов. И. А. Антонов «в своей статье» на эту

<sup>44</sup> ЕРЕМЕЕВ 1970, 133–134.

<sup>45</sup> ДЬЕНН 2007, 28.

проблему выделяет три района существования этнонима «мадьяр», включая и производные от этого названия: 1) Приуралье IX–XIII вв; 2) урало-казахстанские степи, периода существования Золотой Орды и других поздних государств XIV–XVI вв; 3) Волго-Окское междуречье XIV–XVI вв.<sup>46</sup> Такое районирование этнонима мадьяр в подобных хронологических пределах вполне допустимо.

Как теперь становится понятно, восточные мадьяры были исторической реальностью средневекового периода и проживали восточнее реки Волги в направлении Уральских гор (урало-казахстанских степей), что не вызывает особых возражений. Арабские и персидские авторы XI–XIII вв. сообщают, как о восточных, так и западных мадьярах и соответствующих топонимах: «Maggarī», «al-Maggarīya», «bilad Basgird wa Magar» – обозначение народа и страны, «al-Magar» – название города на Северном Кавказе, которые фиксируют их продвижение с востока на запад. Что же происходило с мадьярами (маджарами), которые продолжали оставаться на востоке в IX–XI вв.? Письменные данные этого времени очень скудны и фрагментарны по своей информированности. Тем не менее, такие отрывочные сведения в источниках встречаются, хотя и позднего происхождения.

В «Родословной туркмен»<sup>47</sup> хана хивинского Абу-л-Гази приведен увлекательный легендарный этногенетический рассказ о происхождении кыпчаков, в котором упоминаются наряду с другими народами и маджары, локализуемые им в районе Итиля и Дона. Когда Кыпчак вырос и стал джигитом, сообщает это древнее тюркское повествование, то «Уруссы, Олаки, Маджары и Башкурды возмутились [против Огуз-хана].

*Дав Кыпчаку много илей и нукеров, [хан] послал [его] в те края, на берега Тина и Итиля. Триста лет царствовал Кыпчак в тех местах. Все кыпчаки – его потомки».*<sup>48</sup> Как следует из исторической логики этого рассказа, «маджары и башкурды», которые, надлежит вновь обратить внимание, четко разграничиваются между собой, вошли в соприкосновение или состав кыпчаков. Тем самым, маджаро-кыпчакские связи и контакты, если расширенно и обобщенно толковать эти отношения, уходят в домонгольскую эпоху. Вероятность такого объяснения ранних этнических взаимоотношений маджаров и кыпчаков, относящихся к X–XI вв., на мой взгляд, высока и реалистична. К такой интерпретации маджаро-кыпчакских взаимосвязей, в частности, склонен известный специалист в области средневековых кочевнических древностей Евразии С. Г. Боталов.<sup>49</sup> А Б. Е. Кумекон определенно пишет, что в VIII – начале IX вв. «в области Южного Урала кыпчаки находились в непосредственных этнополитических и этнокультурных контактах с отдельными группировками маджарских племен», а в предмонгольскую эпоху отдельные их части были инкорпорированы в кыпчакскую конфедерацию,<sup>50</sup> что подтверждается, по его мнению, генеалогией рода кыпчак Среднего жуза казахов.<sup>51</sup>

Страна и народ (не исключено, что какая-то их отдельная часть) восточных маджар существовали или точнее жили, вполне вероятно, независимо, в волжско-приуральском регионе, юго-восточнее Волжской Булгарии, вплоть до монгольского завоевания. Была ли у них в этот период государственность, сказать трудно. Как известно, после всемонгольского курултая, состоявшегося в 1228 г., где был избран кааном

<sup>46</sup> Антонов 2009, 63.

<sup>47</sup> Кононов 1958, 43–44.

<sup>48</sup> Похожая легенда о происхождении кыпчаков встречается у Рашид ад-Дина (Рашид ад-Дин 1952, 84) и в шежире башкирских кыпчаков (Кузеев 1974, 171), что является показателем ее историчности.

<sup>49</sup> Боталов 1995, 76–80.

<sup>50</sup> Половецко-куманско-маджарские взаимосвязи развитого средневековья, в том числе этнонимические параллели родоплеменного состава между куннами Венгрии и кыпчаками Дашт-и Кыпчака, подробно разобраны в этой специальной статье Б. Е. Кумекова. Это избавило меня от рассмотрения этого более известного и ставшего традиционным в тюркологии аспекта кыпчакско-маджарских взаимоотношений. Поэтому я отсылаю интересующихся к данной работе автора (Кумекон 2008, 29–44; а также Малышев 2003, 76–83).

<sup>51</sup> Кумекон 2008, 33–34.

(хаганом) третий сын Чингиз-хана – Угэдэй, монгольские войска были отправлены на запад евразийских степей. Именно об этой стране мадьяр говорит автор «Тайной истории монголов» 1240 г. сообщая в § 262, что Субэдэй-бахадур был отправлен на запад (в тексте на север) покорять одиннадцать народов и стран: «Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат)» и должен был, перейти через многоводные реки «Идил и Аях» (Волга и Урал). Из этих сведений становится ясно, что страна восточных мадьяр называлась по-монгольски «Мачжарат» (Madžar(at)), т.е. «мачжар» – этноним, а окончание «ат» – множественное число. Следовательно, здесь совершенно ясно имеется в виду страна и народ мадьяр. Долгое время считалось, что под этим названием подразумевается Венгерская Паннония, но дело в том, что монгольские войска, появившиеся в Волго-Уральском регионе во второй половине 20 – начале 30-х гг. XIII в. не ставили тогда военно-стратегической задачи по завоеванию далекой от этого района территории Венгерского королевства. Основная цель монгольских отрядов в этом регионе – покорение местных народов кыпчаков, башкир, мадьяр, болгар, саксинов и др. В другом параграфе этого ценного источника опять говорится о тяжелой борьбе монгольских завоевателей с этими странами: «так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено», а именно «Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Асут, Сесут, Мачжар» и др.<sup>52</sup> В этих описаниях не должно смущать то, что здесь указаны и западные земли, находившиеся далеко от Волги (например, Киев), т.к. это произведение по внутреннему художественному жанру больше тяготеет к богатырскому сказанию и в одном контексте здесь упомянуты все покоряемые народы, жившие на западе. Эти сведения косвенно подтверждаются несколько запутанной инфор-

мацией джучидского историка Абу-л-Гази о завоевании земель «маджаров и башкурдов».<sup>53</sup>

То, что мадьяры оказывали упорное сопротивление монголам, сообщает и брат Юлиан (Julianus barát) – венгерский монах ордена доминиканцев, посетивший этот район проживания восточных мадьяр в 1236 г. накануне монгольского нашествия. За несколько лет до поездки Юлиана, приблизительно в 1231–1232 гг., начался поиск оставшихся на востоке мадьяр, которые «все ещё остаются в заблуждении неверия», предпринятый четырьмя монахами-доминиканцами. Как следует из письма брата Рихарда, трое из них в пути погибли, но четвертый, «священник Отто», в одной из областей отыскал людей «[говоривших] на том языке» и получил сведения от них о пути в эту страну. Вернувшись в Венгрию, он планировал подготовить новую экспедицию и еще раз совершить путешествие к восточным венграм, но умер через восемь дней после прибытия, тем не менее, успев рассказать собратия о своем открытии.<sup>54</sup> Розыски восточных мадьяр опирались на достоверные известия старых венгерских исторических хроник о существовании древней «старейшей» Венгрии – «*Maior*», располагавшейся на востоке, откуда пришли предки дунайских венгров.

Юлиан, как сообщает источник, был отправлен в составе группы из четырех братьев, в далекие земли на поиски именно восточных мадьяр (древних соплеменников). В одном из городов Волжской Булгарии, скорее всего, находившемся на востоке или юго-востоке этой державы, он встретил мадьярскую женщину, которая в ходе разговора показала ему путь на ее родину. Вот как это описано в самом источнике: «*В одном большом городе той же области, из которого выходит, по слухам, пятьдесят тысяч бойцов, брат нашел одну венгерскую женщину, которая выдана была замуж в те края из страны, какую он искал. Она указала брату пути, по которым ему надо идти, утверждая, что через две дневки он,*

<sup>52</sup> Козин 1941, § 262, § 270.

<sup>53</sup> Абуль-Гази-Багадур-хан 1996, 99, 103.

<sup>54</sup> Аннинский 1940, 77.

без сомнения, может найти тех венгров, которых ищет. Так и случилось. Ибо нашел он их близ большой реки Этиль». <sup>55</sup> Эта местность проживания мадьяр находилась недалеко, как следует из текста. Хотя, следует признать, что под понятием «две дневки», как справедливо отмечено в литературе, надо понимать не буквально двое суток, а гораздо больший промежуток времени, возможно, равный шести–восемью дням пути. Под рекой Этиль здесь подразумевается не Волга, а один из его притоков, возможно, река Белая, которая называлась по-башкирски «Ак-Идель». Однозначно и ясно, что, страна восточных мадьяров находилась за рекой Едиль, Атиль, Итиль (Волгой). Следуя указанным путем, Юлиан действительно обнаружил своих далеких сородичей, изъяснявшихся с ним по-венгерски (на мадьярском языке). Встреча с восточными мадьярами, в какой-то мере, оправдала его надежды. В изложении источника это выглядело так: *«Те, увидев его и узнав, что он венгр, не мало радовались его прибытию: водили его кругом по домам и селениями старательно расспрашивали о короле и королевстве братьев своих христиан. И все, что только он хотел изложить им, и о вере, и о прочем, они весьма внимательно слушали, так как язык у них совершенно венгерский, и они его понимали и он их. Они – язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут, как звери. Земли не возделывают! Едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них, но не знали, где они. Татарский народ живет по соседству с ними. Но те же татары, столкнувшись с ними, не могли*

*победить их на войне, наоборот в первой битве были побеждены ими. Поэтому избрали их себе в друзья и союзники, и таким образом, соединившись вместе, они совершенно опустошили 15 царств».* <sup>56</sup> Таким образом, подтверждается информация монгольского источника об ожесточенном сопротивлении, оказанном завоевателям с востока и подчинении им восточных мадьяр. По образу жизни они были обычными кочевниками: употребляли, как видно из рассказа, в еде конское мясо и «лошадиное молоко» (кумыс). Самое главное, на это следует обратить внимание, мадьяры не возделывали землю, т.е. не были земледельцами, были хорошо вооружены и имели достаточное количество коней. Все это позволяет относить восточных мадьяр к кругу кочевых или полукочевых народов этого региона. Несомненно, мадьяры помнили об ушедших западных сородичах. Как долго длилась война монголов с мадьярами, мы точно не знаем. Из рассказа можно понять, что военные действия продолжались несколько лет, возможно около пять – шесть лет в промежутке с 1229 по 1235 гг. или более 10 лет. <sup>57</sup> Добровольное (точнее вынужденное) подчинение мадьяр монголам произошло, как следует из контекста повествования, накануне приезда брата Юлиана. Военские подразделения восточных мадьяр стали неотъемлемой частью монгольской (необходимо сказать «интернациональной») армии, разверстанной по десятичной системе, и, вполне понятно, на правах военных союзников новых хозяев степи, приняли самое активное участие в военных действиях против соседних государств и народов.

Восточные мадьяры были задействованы в военных кампаниях монголов и составляли заметный военный компонент вооруженных сил

<sup>55</sup> Аннинский 1940, 82.

<sup>56</sup> Аннинский 1940, 82.

<sup>57</sup> Ранее я считал, что это война длилась около 10 лет, но есть и другие интерпретации. Основная военная цель монголов в волго-уральском междуречье, по версии Л. Н. Гумилева, это окончательный разгром кыпчаков (половцев), но этническим препятствием для достижения этого была «Великая Венгрия». Монголо-мадьярская война (Л. Н. Гумилев называет ее «монголо-башкирская», подразумевая под «башкирами» восточных «венгров») продолжалась 14 лет, с 1220 по 1234 годы. Восточные венгры («башкиры») в начале «выигрывали сражения», но в конечном итоге заключили с монголами «договор о дружбе и союзе» и объединились с армией завоевателей, усилив ее военный потенциал. Этот фактор, а также характеристика, данная Юлианом восточным венграм, показывают повышенный уровень пассионарности у мадьяр в сравнении с другими соседними народами. Эта полученная пассионарность результат произошедшего до этого хунно-угорского симбиоза и смешения (Гумилев 1993, 459–460). Для меня все же более вероятно, что военные действия между монголами и восточными мадьярами проходили «в начале 20-х – первой половине 30-х гг. XIII в.

Чингизидов в конце XIII в. Об этом сообщает такой авторитетный автор как Рашид ад-Дин, подробно описывая численность войск царевичей Джучидов. Персидский историк особо отмечает, что «*большая часть войск Токтая и Баяна [конец XIII – начало XIV вв.] есть потомство [насл.] этих четырех тысяч [монголов], а что прибавилось [к ним] за последнее время, то из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним*».<sup>58</sup> Общеизвестно, что Токта был ханом Золотой Орды в 1291–1312 гг., а Баян – потомок первого сына Джучи – Орду (Ичена, Иджана) правил на территории Казахстана и был одним из владельцев (или главой) Кок Орды – восточное крыло Улуса Джучи в это же время. Здесь также надо обратить внимание на то, что «маджарские» войска перечислены сразу за «кипчакскими». Такой порядок перечисления допускает считать какую-то близость или связь между ними. Между тем, указывает ли это на действительный военный статус воинских подразделений джучидских войск по этническим наименованиям, ответить однозначно нельзя, но их действительное присутствие в структуре вооруженных сил Золотой Орды в это время не подлежит сомнению.<sup>59</sup>

Монголы, завоевав территорию Дашт-и Кыпчака, и прилегающую западную часть Евразии, распределили все подчиненное им кочевое население по крыльевой и улусной системе, прикрепив всех боеспособных (прежде всего мужчин) к введенной им десятичной структуре, для отбывания воинской повинности. Такая военно-организационная модель существовала долгое время и коренным образом изменила этнополитическую ситуацию в завоеванных землях так, что подвластные номады неоднократно реорганизовывались и переподчинялись завоевателями. В дальнейшем родоплеменные группы и их во-

инские подразделения по воле золотоордынских властителей постоянно дробились, особенно в XIV в., делились, перераспределялись и переселялись с запада на восток, с юга на север и обратно и т.д. Кочевые и даже оседлые подданные должны были следовать за своими улусными владельцами в любом направлении. Именно в монгольский период начинается (или возможно уже продолжается) тюркизация какой-то группы маджарского населения, т.к. совершенно очевидно, что в Улусе Джучи (Золотая Орда) основная часть населения была представлена тюркоязычными племенами как степного Дашта, так и этногруппами пришедшими в ходе монгольских завоеваний с Востока из Центральной Азии. Сами «монголы» (если быть более правильнее, выходцы с центрально-азиатской территории), как следует из источников, достаточно быстро тюркизировались в местной этнической среде, но, тем не менее, сохраняли неизменно свои племенные, родовые самоназвания и даже характерные черты материальной культуры и языка вплоть до XIV в.

В сочинении ибн Фадлаллаха ал-‘Умари указаны народы населявшие Золотую Орду среди которых упоминаются кыпчаки, черкесы, русские, асы, маджары «и живущие по соседству с ними разно племенные народы, населяющие Север». В этом произведении маджары, наряду с другими, отмечены дважды.<sup>60</sup> Ибн Батута, путешествуя по золотоордынским владениям, останавливался в известном городе Маджар – одном «из лучших тюркских городов». В числе выходцев из стран подвластных золотоордынским ханам и попавших в Мамлюкский Египет В. Г. Тизенгаузен отмечает имя ал-Маджари (букв.: «Маджарец»)<sup>61</sup> Этноним «маджар» присутствует в надмогильном камне волжских болгар датированном 1311 г.<sup>62</sup> Все эти разрозненные

<sup>58</sup> Рашид ад-Дин 1952, 275.

<sup>59</sup> Известный исследователь военной истории древних и средневековых кочевников Евразии М. В. Горелик в устной консультации пояснил, что воинский корпус золотоордынских войск, состоящий из маджаров, как раз находился в г. Маджар. Этот город имел стратегическое значение в XIII–XIV вв., так как прикрывал опасное для Золотой Орды северокавказское направление в период перманентного военного противостояния с государством Хулагуидов (иранские монголы).

<sup>60</sup> Сборник материалов 2005, 184, 173.

<sup>61</sup> Сборник материалов 2005, 215, 20.

<sup>62</sup> RÓNA-TAS 1986, 78–81.

данные позволяют считать, что маджары прочно входили в этноструктуру золотоордынского общества и занимали приметные позиции. Были ли они тюркоязычны или угрозязычны в монгольскую эпоху? Ответить сразу довольно трудно. Не исключено, что маджары стали двуязычны,<sup>63</sup> хотя процессы языковой ассимиляции и переход на тюркский (кыпчакский) язык среди кочевого населения приняли в золотоордынских улусах необратимый характер. Угрозязычное маджарское население сохранялось в западных районах (среднее Поволжье, Дон) поздней Золотой Орды до XV–XVI вв. и достоверная информация об этом есть. Их дальнейшая судьба неизвестна, т.к. источники о них ничего не говорят. Именно отсутствие упоминаний о них, по-видимому, побудило исследователей считать, что все восточные маджары «пропали» или «слились» с окружавшими их народами.<sup>64</sup> По данным известного казанского археолога Е. П. Казакова выделенные им чияликские памятники, локализуемые от восточных районов Татарии до западных склонов Урала, и соотносимые с населением угорской общности – «страна паскатири» в XII–XIV вв., южнее граничившая с кыпчаками. Позднее, «это население кочевало и

на территории чияликских памятников, ассимилировав здесь остатки угорского населения».<sup>65</sup> Под «страной паскатири» подразумевается территория «Великой Венгрии», а это значит, что продолжительные этнические контакты между восточными (волго-уральскими) маджарами и даштскими кыпчаками имели место в период развитого средневековья, а конкретно в золотоордынское время.

Этническая пестрота золотоордынского кочевого населения не вызывает особого удивления и подтверждается археологическими данными и антропологическими исследованиями последнего времени. Своеобразие «этнического котла» в Золотой Орде, очевидно, заключалось в том, что и автохтонное (ранее проживавшие этнические группы) и пришлое (мигранты) население, проходя через монгольскую улусно-удельную систему, в течение второй половины XIII–XIV вв. стали постепенно составлять более или менее единые этно (-родо) компоненты, составные части которых «склеивались» (складывались) из различных племенных групп, создавая новые кланы или группируясь вокруг общего названия. Все это привело к существенной трансформации складывавшейся этноплеменной системы.<sup>66</sup>

<sup>63</sup> Такой прецедент в ранней истории маджар был, когда в их состав вошли три племени кабаров (Кабарои, Kiabar) тюркского происхождения, которые, «бежав, пришли и поселились вместе с турками [маджарами] в земле пачинакитов, сдружились друг с другом и стали называться каварами. Поэтому и турок они обучили языку хазар; сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой – язык турок» (Константин Багрянородный 1991, 163). Возможность такой билингвистической ситуации (кабаро-маджарского или тюрко-венгерского двуязычия) допускается рядом лингвистов, хотя есть и противники таких соображений. Кабары подняли восстания против центральной власти в Хазарском каганате в 30-х гг. IX в. (другие даты более широкие 799–843 гг.) и, потерпев поражение, ушли к венграм. Этимология этнонима «кабар» предложенная О. Прицаком восходит к общей тюркско-болгарской форме «qıabar» и его производным формам «Yowar», «Qawar» (Голь-Прицак 2003, 55). Существует значительная научная литература о кабарах (Эрдели 1983, 174–181; Lewicki 1988, 77–87; Цукерман 1998, 671–672 и др.).

<sup>64</sup> Этнологами такое явление известно давно: «Нередко основная часть этноса сохраняет традиционный язык, а отделившаяся этническая группа, живущая в инонациональном окружении, переходит на язык этого окружения, не теряя своего этнического самосознания» (Бромлей–Подольный 1990, 26) и самоназвания.

<sup>65</sup> Казаков 1997, 44, 56, рис. 10.

<sup>66</sup> По меткому и удачному выражению казахского историка С. М. Акимбекова «в монгольскую эпоху вступают одни народы, а выходят из нее совсем другие» (Акимбеков 2011, 35). В империи Чингизидов формирование крупной военно-организационной единицы «тумена» базировалось на основе разноплеменных групп. В то же время, на уровне «тысячи» их комплектование шло путем привлечения больших племен и родов, могущих выставить тысячные отряды, так и за счет «сотен» смешанного происхождения. По мере разрастания раннего государства до уровня мировой империи военно-политическое руководство, вследствие расширения военных кампаний на евразийском континенте и, соответственно, закономерном росте воинских континентов за счет лояльных, насильственно мобилизованных племен и народов, стало отходить от комплектования вооруженных сил по кланово-родственному принципу. Создание новых «десятков», «сотен», «тысяч» и «десятитысячных» отрядов шло за счет разноязычной массы. В перспективе такой военно-организационный «замес» привел к тому, что в армии численность монголов (выходцев с территории Центральной Азии и Монголии) не только уменьшилась, но и практически оказалась «распыленной» среди этой разнородной массы. Несмотря на все эти пертурбации и политические модернизации монгольского времени, «родовой быт» кочевников во главе с

На верхнем и среднем этажах «племенной» макроиерархии такие кланы не были кровнородственными, а объединялись на уровне (степени) мнимогенеалогического родства, посредством общего генеалогического древа. Это выражалось в наличии единого «шаджра, шежира» (родословия) для всех родовых групп, входящих условно в иерархию более высокого порядка. На низшем уровне такой этнополитической пирамиды близкородственные семьи или группы могли сохранять свое самоназвание и придерживаться традиционных привычных патрилинейно-патронимных связей внутри. Такая схема формирования племенных групп действовала и позднее в кочевой среде евразийского этнокультурного ареала.

Что же произошло с оставшимися восточными мадьярами, которых в восточных источниках стали давно называть «маджарами», в монгольский период? Могли ли они просто исчезнуть, «раствориться» и перемешаться в мощном и многочисленном «тюркском море» степного Дашт-и Кыпчака? Естественно, какая-то часть оказалась распыленной среди тюркоязычных кочевников, и, фактически, слилась с ними, также, как и та часть половецких (куманских) племен, оказавших упорное противодействие монгольским захватчикам, либо была физически истреблена, а остальная влита в структуру новых родов и кланов, утратив свое самоназвание. При всей кажущейся очевидности ассимиляционных процессов в кочевой среде этот вопрос не исследован в такой мере, чтобы можно было понять внутренний механизм и ход этого непростого явления. Другие, сохранив прежние родовые этнонимы, становятся частью (элементами) монгольской улусно-племенной системы. Так, вероятно, произошло и с мадьярами (маджара-

ми), разбросанными со временем на огромных просторах степного Дашт-и Кыпчака в бурную золотоордынскую эпоху. Свидетельство Рашид ад-Дина, цитированное выше, является ярким тому подтверждением: маджарские отряды (естественно, их кланы), распределенные между монгольскими огланами (царевичами) и военачальниками, кочуют вместе с другими номадами отдельными «элями», «уруг(к)ами» (позднее обозначение «ру» – род), составляя вместе единое улусное войско сюзерена-властителя. Это подтверждается этническим (вернее родоплеменным) составом Улуса Джучи XIV–XV вв. Известный исследователь Т. И. Султанов приводит список таких кланов (более 60), в числе которых упоминаются и маджары.<sup>67</sup>

Списочный состав даштских племен и родов 1430–60-х гг. известен по сочинению Масуда б. Осман Кухистани, а также из традиционного перечня 92 узбекских племен «Илатийа» по «Тухфат ат-таварих-и хани», составленному позднее, в XIX в. В этом списке четко зафиксирован этноним «маджар» и, что опять же примечательно, здесь же указан и род «башгырд», но отдельно. Из дополнения к этому перечню, записанному авторитетным этнографом С. М. Абрамзоном, узнаем наличие «узбекского» рода маджар.<sup>68</sup> Маджарский клан находился в подчинении Шейбанидских (правильнее Шибанидских<sup>69</sup>) огланов (царевичей), Абу-л-Хайр-хана и его преемников. В сочинении «Таварих-и Гузида-йи Нусрат-наме» изложен эпизод ожесточенного сражения в степи, в ходе которого «Шайх Мазид-бахадур из омака<sup>70</sup> маджар поразил двумя стрелами Бурундук-хана» казахского.<sup>71</sup> В династийной истории Шейбанидов (Шибанидов) Средней Азии «Нусрат наме» («Книга побед») приведено название рода маджар. В сочинении

«традиционными» (фактически, после окончания завоеваний, новыми) племенными лидерами показал гибкую устойчивость и, в конечном итоге, сохранился далее.

<sup>67</sup> Султанов 1982, 8; История Казахстана и Центральной Азии 2001, 235; Исхаков 2004, 34.

<sup>68</sup> Материалы по истории 2002, 232, 233.

<sup>69</sup> Потомков пятого сына Джучи – Шибана. У последнего было 12 сыновей, основные владения которых располагались на обширной территории средневекового Казахстана.

<sup>70</sup> Понятие «омак», по-русски означает то же самое, что и «племя», «род» (Материалы по истории Казахских ханств 1969, 494). В мусульманских источниках XV–XVIII вв. кочевые тюркские этноколлективы могли называться в форме «омак», «обак» или применялся равнозначный им термин «аймак» (Чингиз-наме 1992, 151).

<sup>71</sup> Материалы по истории Казахских ханств 1969, 22.

среднеазиатского писателя Хафиз-и Таныша в числе тюрко-монгольских племен указан и клан маджар. О маджарах неоднократно говорится в книге Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахийар». В труде «Насаб-наме» есть также сведения о маджарах. Именно в такой огласовке «мажар» записан этот этноним.<sup>72</sup> Отсутствии буквы «д» можно объяснить особенно-

поволжских степей Дашта, т.е. из центральных районов Орды. Во время набега ему удается угнать табун лошадей из 200 голов у некоего Бигазы из Кабарды. Во время погони Ер-Шобан, обращаясь к своему преследователю Бигазы, произносит речь, устрашая противника, в стихотворной форме и говорит следующее, перечисляя состав собственной дружины:

Байрақты жүре алдырған,	Есть еще батыр Коян – сердце отдал он походам,
Бастай қуып шалдырған	Зная у него в руках плещется перед народом,
Ісірібі тоқтастан	Не успеет бой начать, как повержен разом враг,
Артық туған мажардан Батыр Қоян және бар	Потому что сей храбрец из маджар отважных родом
	(пер. с каз. В. Цыбина)

стями произношения или написания этого слова у указанного автора. Более вероятно, также, что этот этноним так фонетически произносился в тюркоязычной среде даштских племен. Связь между этими двумя этнонимами и этниконами – «маджар» и «мажар», довольно прозрачна.

Маджарские группы, проживавшие в центральных и восточных улусах Золотой Орды, следует полагать, полностью были тюркизированы формирующимися кыпчакоязычными (ногаи, узбеки, казахи) этнополитическими объединениями кочевников Дашта, но сохранили, что, феноменально, древнее самоназвание.

Эти данные о роде маджар, реально существовавшем в Дашт-и Кыпчаке в эпоху поздней Золотой Орды во второй половине XV в., получили неожиданное подтверждение из устно-поэтического творчества казахских поэтов и жырау (сказителей) раннего периода (эпоха ногаев и казахов). В поэме «Ер-Шобан» («Богатырь Шобан») казахского (одновременно и ногайского) Шалкииз-жырау (годы жизни – приблизительно вторая половина XV – середина XVI вв.) приводится информация о походе этого батыра и его товарищей с дружиной на Северный Кавказ из

Кабардинец Бигазы, испугавшись этих угроз, решает немедленно повернуть назад, т.к. он понимает, исходя из завязки этого поэтического сюжета, что не сможет ничего сделать против воинственных личных обидчиков.<sup>73</sup>

Как видно, здесь говорится о батыре Кояне из ногайского (тюркско-кыпчакского) рода маджар. Я хочу специально обратить внимание читателя на этом пассаже. Название рода приведено очень точно в форме «маджар» (мажар), именно в вербальной (живой) языковой (устной) практике. Исходя из этого, можно считать установленным, что это слово является обычной формой (способом) выражения или произношения этого этнонима в западно-тюркских языках (кыпчакская подгруппа), и это название отчетливо зафиксировалось в ногайском и казахском этнопонятийном глоссарии. На этом примере видно, что этнические понятия «мажар», «маджар» или «можар» абсолютно тождественны друг другу.

Маджары входили в этнономенклатуру не только кочевых узбеков, но и соседних родственных им ногаев («Мангытский Йурт», Ногайская Орда), что следует из достоверных сведений. В. В. Трепавлов в своей фундаментальной мо-

<sup>72</sup> АХМЕДОВ 1985, 13, 54, 71, 130.

<sup>73</sup> ПОЭТЫ ПЯТИ ВЕКОВ 1993, 49–51.

нографии по истории Ногайской Орды приводит наименования ногайских родоплеменных объединений «элей» (улусов), среди которых упоминает «Маджар» и название этого «эля», переданного в русских официальных документах XVI–XVII веков как «Можарское р.», где «р.» обозначает родство, род.<sup>74</sup> Из обобщенной «Истории Казахстана», посвященной средневековому периоду, известно, что в наиболее крупный кыпчакский клан Среднего жуза казахов кара-кыпчак входили, наряду с другими родовыми группами, «маджары (мадьяр) – кыпчаки»<sup>75</sup> (намеренно сохраняем такой вариант написания источника), кочевавшие в Тургайских и Ишимских степях Прииртышья (северо-западный, северный Казахстан) и оказавшие заметное влияние на соседние племена Западной Сибири.<sup>76</sup>

В этой связи, на мой взгляд, не выдерживает никакой критики версия о происхождении термина «мадияр» (якобы укороченное произношение этого названия) от личного имени «Мухаммад(и)яр» или «Мамадияр». В ходе этнографической экспедиции в места проживания мадьяр-кыпчаков пришлось отдельно расспрашивать аксакалов о возможном двухсоставном наименовании первоначального предка клана «Мадияра». Обычно, в таких случаях информаторы специально поясняют, что такой-то их предок был наделен прозвищем или обладал вторым полным именем. Сами мадияры, рассказывая о своем прошлом, не знают предка (эпонима) – основателя их рода под именем «Мухаммадьяр» или «Мамадияр», как, соответственно, производный от него сокращенный вариант этого имени, и проводят самоидентификацию только через

этнотермин «мадияр». Причем они, прежде всего, строго связывают себя с понятием «мадияр», а потом сообщают о втором (макро) уровне родоплеменной иерархии – кыпчак (кара-кыпчак), куда входит это родовое подразделение.

Более поздние записи родоплеменного состава казахов, в частности, кыпчаков, сделанные выдающимся российским этнографом конца XIX в. Н. А. Аристовым, показали, что действительно у кыпчаков акмолинского округа (Акмолинская область дореволюционного Казахстана) имеется родовая группа, отмеченная в форме «мадияр».<sup>77</sup> Возможно, именно с рубежа XVIII–XIX вв. этнотермин маджар передается в форме «мадияр» или «мадьяр». Этот переход, на наш взгляд, легко объясним именно в тюркских языках, т.к. буква «дж», «ж» свободно и без затруднений может трансформироваться в «и» или «і». Здесь же можно отметить, что форма «(й) и ар» и «д-жар» вполне взаимно заменимы между собой. Приведенные сведения о мадиярах четко коррелируются со сведениями экспедиции Ф. Щербины, занимавшейся обследованием степных областей Казахстана начала XX в. В 11-м томе (Омский уезд, Акмолинской области) этих важных материалов точно указан административный аул № 4, состоявший полностью из мадияров-кыпчаков.<sup>78</sup> Один из первых казахских историков М. Тынышпаев подготовил отдельно родословные таблицы казахских родов, из которых следует, что мадияры входили и были включены в родоплеменную структуру кара-кыпчаков подразделения Бултуна → Орыс<sup>79</sup> → Мадияр. Там же отмечено наличие мадияров в составе Токал-аргынского рода Жогары-шекты.<sup>80</sup> Специальные этнографи-

<sup>74</sup> Трепавлов 2002, 502.

<sup>75</sup> Род с таким названием, как «маджар (мадьяр)», отмечен в Узбекистане в окрестностях г. Самарканда. Скорее всего, он по происхождению связан с мадьярами-кыпчаками казахского Среднего жуза.

<sup>76</sup> История Казахстана и Центральной Азии 1997, 154; Бояршинова 1960, 75.

<sup>77</sup> Аристов 1896, 379.

<sup>78</sup> Материалы по киргизскому землепользованию 1902, 10.

<sup>79</sup> Довольно интересно, как трактуется имя (или эпоним) «Орыс», «Урус» среди тюркских кочевников степного Дашт-и Кыпчака в востоковедной литературе. Так, слово «урус» – это фонетический вариант этнонима русский. Такая форма легко объяснима. Тюркским языкам чуждо инициальное р-, и слово русский приобрело огласовку и форму урус, орус, орыс; в источниках встречаются также формы арус, арс (алиф с маддой); последняя произносилась, видимо, как арыс. Имя или прозвание Урус было довольно широко распространено, по крайней мере, с XII в., среди тюркских беков и Чингизидов. Согласно толкованию исследователей наших дней, именем Урус обычно нарекали «светловолосого ребенка», – пишет Т. И. Султанов (Кляшторный–Султанов 1992, 198).

<sup>80</sup> Тынышпаев 1925, 69–70.

ческие экспедиции, предпринятые Институтом истории, этнографии и археологии Академии наук Казахской ССР в 50–60-е гг. XX в., только подтвердили местожительство и наличие в северных регионах Казахстана и сопредельных территориях Российской Федерации мадьяр (мадиар) в составе аргынов и кыпчаков.<sup>81</sup>

Будущие казахские маджары (мадяры) относительно поздно вошли в основной состав казахского народа, и, скорее всего, в XV–XVII веках еще входили более или менее компактно в ногайский и узбекский этнополитические массивы. Сохранились родовые предания мадьяр о приходе в казахские степи маджарских кланов с юга или юго-запада со стороны узбекских Шейбанидов, что не исключает их проникновения также и с запада в более раннее время. Возможно, также, что мадиары уже в XVI–XVII вв. или чуть ранее в эпоху развитого средневековья находились в тесной связи с кыпчаками (или в их составе), проживавшими на территории Казахстана или сопредельных землях. Оторвавшись от своих основных кланов маджары (мадяры) безболезненно включились в новые для них трибальные структуры формирующейся казахской кочевой общности кыпчаков и аргынов, стабильно сохраняя собственное самоназвание в условиях инородного окружения. Подобных примеров из истории казахского «конгломеративного» этноса привести можно не мало. Как мне представляется, родовое название «мадиар» четко зарегистрировано в клановой структуре казахов Среднего жуза кара-кыпчаков и аргы-

нов, который можно связать с существующим этнонимом «маджар».

В этнографической и востоковедной науке уже сравнительно давно степные исторические рассказы кочевников о своем прошлом весьма успешно привлекаются в качестве реальных (альтернативных или дополнительных) источников и называются «степной устной историологией» (сокр. «СУИ»), в такой аббревиатуре термин впервые введен выдающимся казахстанским востоковедом В. П. Юдиным). Кочевники Дашт-и Кыпчака передавали этот способ хранения и трансляции исторической информации термином «қара сөз» – древний сказ, старый рассказ. Таким классическим (эталонным) памятником СУИ является хорошо знакомое среди востоковедов произведение под условным названием «Чингиз-наме», записанное Утемишем Хаджи в середине XVI в.<sup>82</sup> и представляющее собой собрание устно-исторических повествований о событиях в Улусе Джучи.

В ходе этнографической экспедиции летом 2006 г. в Русско-Полянский район Омской области одна из информаторов (мадьярка достаточно преклонного возраста) сообщила весьма интересную легенду, которую она слышала давно от старшего поколения о разделении их предков. В древности, когда-то мадьяры были единым народом, они жили в большой стране. Всего было 17 мадьярских племен. После большой войны с врагами этот народ разделился на две части – западных и восточных<sup>83</sup> (такой вывод вытекает из того, что отколовшиеся мадьяры отправились в

<sup>81</sup> Муканов 1974, 58, 186–187.

<sup>82</sup> Утемиш Хаджи 1992, 64–66.

<sup>83</sup> Один из разделов книги Константина Багрянородного, в котором впервые сообщается о разделении мадьяр на две половины – восточную и западную, поразительно похож на этот сюжет. Приведем этот отрывок полностью: «Когда же меж турками [мадьярами] и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, – они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах, именуемых Ателькузу, в которых ныне проживает народ пачинакитов». И далее автор продолжает, что «через некоторое время пачинакиты, напав на турок, изгнали их вместе с их архонтом Арпадом. Поэтому турки, блуждая в поисках земли для поселения, явившись, прогнали обитателей Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут теперь турки по сей день. С тех пор турки не испытывали войны от пачинакитов. К вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку, в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные, и поныне посылают торговцев и навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания» (Константин Багрянородный 1991, 159–163). Комментируя это, действительно, судьбоносное событие мадьярской истории, В. П. Шущарин пишет: «Эта запись говорит о наличии у мадьяр середины X в. предания об общности судеб с их отколовшейся частью. Достоверность сведений этого предания, а, следовательно, реальных основ этого компонента этнического самосознания, подтверждается свидетельствами об обитании мадьяр восточнее Карпат после начала X в., когда основная

западном направлении [күн батқан жерге кетті], где заходит солнце). При этом семь или восемь племен из них ушли очень далеко от их коренного местообитания. Судя, по ее словам, мадьяры, которые покинули родину, с тех пор стали называться нашими предками термином «көк оғыз»<sup>84</sup> и живут там поныне, а оставшиеся племена (10?), т.е. «наши предки», сохранили название «мадьяр». Причем интересно, что ушедшие (западные) мадьяры, по ее словам, ведут свое начало (происхождение) от них (олар бізден тарайды) – этих (её) предков.

Можно сопоставить старые венгерские исторические предания,<sup>85</sup> из которых становится известно, что европейские венгры «произошли» от мадьяров, находящихся на востоке.<sup>86</sup> Сами восточные мадьяры говорили Юлиану: «По преданиям древних они (т.е. заволжские мадьяры) знают, что те венгры (дунайские) произошли от них, но не знали, где они».<sup>87</sup> Такие обнаруженные тождественные параллели и мотивы, присутствующие в исторической памяти (сознании) западных и восточных мадьяр и непосредственно указывающие на вынужденный распад (деление) древнего народа, можно считать большой удачей для любого исследователя. С другой стороны, выявленные сравнительно идентичные сведения отражают происходившую настоящую

действительность, в которой совершались исторические события, послужившие основанием для этих устных преданий.

В рассматриваемом здесь сюжете, что примечательно, существует аналогичное сообщение о бытовании такой легенды у казахских мадьяров в рабочих записях популярного в Венгрии и Казахстане профессионального тюрколога<sup>88</sup> И. Кобыра Мандоки: «*Ал қазақтарда мадиярларға деген ерекше бауырластық сезімнің өзіндік себебі, дәлірек айтсақ, ерекше назар аударатын негізі бар. Қазақтардың ру-тайпалық құрылымында саны аз емес, шамамен 100 000 жан өздерін мажар, маджар, албетте мадиар (madzsar, vagy mazzsar, illelőleg madjar) деп атайтын ру бар. Бұл рудын шығу тегі, шежіре мәселесін зерттеу бұған дейін жүрілмеген немесе мүлде беймәлім. Бірақ Қазақ Ғылым академиясының Әдебиет және өнер институтының қолжазба қорында осы рудың арасынан жиналған бірқанша шежірелік аңыз бойынша қазақ-мажар, дәлірегі мадиярлар бір кездері батысқа қарай ауған жұрттан бөлініп қалған бөлігі екен дейді өздерін. Бұл кішкентай ғана факт немесе деректің өзі ғана кәсіби маманға көп нәрсені айтып тұрғандығы сөзсіз, бірақ осы бағыттағы зерттеуді кенейте түсуді қажет етеді».*<sup>89</sup>

---

их масса пришла в Среднее Подунавье» (Шушарин 1997, 157). Б. Е. Кумеков считает, что связь между восточными и западными мадьярами не прерывалась «почти в течение трех с половиной столетий. Оставшиеся на востоке мадьяры знали о своих сородичах, ушедших далеко на запад» (Кумеков 2008, 33–34).

<sup>84</sup> Дословный перевод с тюркского языка – «синий или голубой огуз», но что это значит? На мой взгляд, это является свидетельством древности этого предания. По мнению М. В. Горелика, «имя «угры», «оугры» венгры заимствовали у западноогузского тюркоязычного племенного объединения «огуры», из которого вышли и болгары, и хазары; этот факт вводил и продолжает вводить в заблуждение большинство ученых, ошибочно видящих в южнорусских степях для периода до X в. за термином «огур», «огор» венгров, а не западных огузов» (Горелик 2002, 27). Указывает ли на это на связь ранних мадьяр с западными огуро-огузскими племенами? Такая интерпретация вполне логически допустима, учитывая их этнополитическую и этнокультурную близость в это время. В этом предании, что характерно понятие «көк оғыз» является эндоэтнонимом, т.е. представлением тех, которые находились с ними в одной коллективной общности или взглядом изнутри (?) на это событие.

<sup>85</sup> Аннинский 1940, 77.

<sup>86</sup> Полный эпизод и соответствующий общий контекст описан в рукописи «О существовании Великой Венгрии, обнаруженном братом Рихардом» следующим образом: «Так вот, братья проповедники, найдя об этом в истории венгров, пожалели, что венгры, от которых, как они знали, сами они произошли, все еще остаются в заблуждении неверия, и послали четверых из братьев искать их повсюду, где, с помощью господ, сумеют их найти. Ибо по писаниям древних они знали, что те находятся на востоке, но, где находятся, вовсе не знали» (Анинский 1940, 77).

<sup>87</sup> Аннинский 1940, 82.

<sup>88</sup> Мандоки 2008, 245–246.

<sup>89</sup> «У казахов имеются причины по-особенному родственно относиться к мадиярам и для этого есть, надо сказать, серьезное основание. В родо-племенном составе казахов существует не менее 100 000 человек, которые относят себя к роду мажар, маджар, или имеют самоназвание мадиар (madzsar, vagy mazzsar, illelőleg madjar). Происхождение

Наверное, нетрудно сделать сравнение со сведениями приведенного выше мадьяр-кыпчакского предания и материалами письменных венгерских источников, которые совпадают в своей самой существенной канве: единый когда-то народ разделился на две части – западную и восточную. Не исключено, что в случае с информацией, приведенной И. Коныром Мандоки, мы имеем другой источник устно-исторической информации, но очень похожий на ту версию предания, которая зарегистрирована у омских мадьяров. Сходство сюжетов таких сообщений, содержащихся как в средневековых источниках, так и устных преданиях, позволяет говорить о реальности не только этого исторического факта раздела народа, но и постоянстве во времени самого исторического самосознания (СУИ), как фиксатора и хранителя информации о прошедших событиях.

Более того, подобные (но отдаленные по сюжету) предания о своем происхождении сохранились среди тургайских мадьяров в легенде о двух братьях Мадияре и Кудияре, которые жили в приволжских степях и затем отправились на Запад. Один из братьев *«Мадияр благополучно добрался туда, куда шел, а Кудияра в дороге схватили, убили, а тело расчленили пополам...»*.<sup>90</sup> Венгерский востоковед в ходе своих изысканий неоднократно обращал внимание на одну закономерность в содержании легенд, преданий, рассказов о своем прошлом мадьяр, где неизменно говорится о разделении некогда единого мадьярского народа на две половины.<sup>91</sup> Эти сведения, на мой взгляд, заслуживают внимания и анализа со стороны историков и этнологов, т.к. память народа о собственном прошлом иногда настолько консервативна, что сохраняет ценные и порой, как в разбираемом случае, уникальные сведения о своей истории.

Представленная на суд читателя работа, конечно, пока ставит только узловые аспекты и направления этой интересной во всех отношениях разносторонней проблематики, далее требует скрупулезного накопления и систематизации материалов, а также соответствующего детального изучения. Такое исследование должно проводиться на комплексной и системной основе, на базе привлечения всех доступных и репрезентативно-доказательных источников.

Вместе с тем, какие выводы общего концептуального порядка можно сделать из сказанного. Прежде всего, восточные мадьяры – это была значительная по численности группа степного населения, проживавшая на территории Евразии в средневековый период. Мадьяры (маджары) испытали феномен «тройной» тюркизации или, вернее, прошли три таких этапа. Это явление проходило, условно говоря, «волнообразно».

Первый этап этого процесса начался тогда, когда мадьяры жили относительно целым этноколлективом в евразийских степях на востоке в окружении (или среди) гунно-сармато-аланских и древнетюркских народов. Это продолжалось очень длительное время (400–500 лет?), приблизительно с первой половины – середины I тысячелетия н.э. и до IX века. Тогда они занимали земли Северного, Центрального и Западного Казахстана, включая сопредельные территории.

Второй этап связан с западной миграцией мадьярских племен (уход от основной этнической общности). Оставшиеся восточные мадьяры испытали «повторную» тюркизацию, но уже со стороны кыпчаков, огузов и др. в X–XIII веках. Вместе с тем, бесспорно, на этом этапе сосуществовало значительное угрозязычное население.

Третий этап – завершающая фаза, маркирующая окончательную этноязыковую тюркизацию,

---

*этого рода, исследование их родословия до сей поры не проводилось и остается неизвестным. Между тем, в фонде рукописей Института литературы и искусства Казахской Академии наук по собранным среди этого рода нескольким родословным преданиям, есть сведения о том, что казахи-маджары, точнее мадияры являются частью народа, который когда-то переселился (откочевал) на запад. Этот маленький факт или сам источник, конечно же, бесспорно, дает важную информацию специалисту-профессионалу, и это направление требует дальнейшего глубокого исследования»* (перевод мой – А. К.). Как видно, Иштван Коноур Мандоки придавал этому факту огромное значение и видел перспективность такого исследовательского поиска.

<sup>90</sup> Бенкё 2003, 74.

<sup>91</sup> Бенкё 2003, 93, 130.

которая происходит в золотоордынскую эпоху XIII–XV веках.

Тем самым, почти тысячелетнее соприкосновение и сожительство со степными тюрками привело к языковой и культурной ассимиляции мадьяров восточной Евразии. При этом какие-то угрозичные группы (остатки) еще жили в XV в. Именно эту часть ряд венгерских востоковедов считают «настоящими» (подлинными) мадьярами, так как главным критерием такой этноисторической идентификации является язык. Данные мадьярские группы «теряются» (?) в окружении других этносов периода позднего средневековья. Выжили те, кто был ближе к тюркским кочевым этнокультурным группам, и которые, возможно, по численности были больше, чем другие восточно-мадьярские субэтноты.

Таким образом, в более ранних текстах средневековых авторов зарегистрирован этноним «маджар», «мачжар» или «мажар», употреблявшийся вплоть до Нового времени (XVIII в.), а затем, в казахском языке возобладала такая форма как «мадиар», фактически то же самое слово, что и «маджар». Эта последняя словоформа сохраняется у современных узбеков до сих пор. Наличие в составе ногаев, казахов, узбеков, крымских татар, народов Северного Кавказа этнонима или на территории их проживания топонима «маджар» простым совпадением объяснить нельзя, также, например, как устойчивое присутствие часто встречающихся в этнономенклатуре тюркских народов Евразии таких широко распространённых этнонимов, как кыпчак, аргын, найман, кирей (-ит), конграт и др., которые есть практически у всех перечисленных народов. В тесной связи с рассматриваемым вопросом интересна и поучительна

история половцев (куманов, кунов), попавших в Венгрию в XIII в., которые долгое время (до XVIII–XIX вв.) сохраняли языковые особенности и этнокультурные черты кочевой ментальности. Мы только сейчас начинаем обращать на это серьезное внимание, обстоятельно и целенаправленно заниматься этнокультурными, этногенетическими, этноантропологическими вопросами нашей истории, в которой много еще неясностей и загадок. Изучение этой интересной и многоаспектной темы должно быть продолжено, на мой взгляд, и далее. Хочу также подчеркнуть, что в последние годы на территории Казахстана и сопредельных землях находят все больше археологических артефактов, которые свидетельствуют о существовании на территории Приуралья, Западного и Северного Казахстана, прилегающих районах Сибири не только отдельных древнемадьярских (или как чаще пишут угорских) древностей, но и указывают на устойчивое присутствие в раннем средневековье ярких материальных реликтов мадьярской культуры – неотъемлемой части колоритной кочевой цивилизации Великой Степи.

Ранний этап этнической истории венгерского народа тесно был переплетен с историей и культурой далеких предков ряда современных тюркоязычных этносов Евразии: башкир, казахов, татар, и поэтому было бы не совсем правильно пытаться сводить древние связи и контакты эпохи средневековья только к этнокультурным взаимоотношениям с одной-двумя этноисторическими общностями. Прародиной большинства тюркских народов является пространственный пояс евразийских степей, лесостепей и полупустынь, там же, убежден, находятся истоки этногенеза древних мадьяр.

## ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- АБУЛЬ-ГАЗИ-БАГАДУР-ХАН 1996: *Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков*. Москва–Ташкент–Бишкек 1996.
- АННИНСКИЙ 1940: Аннинский С. А.: Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе. В.: *«Исторический архив»*. АН СССР. 3. Отв. ред.: Модзалевский, Л. Б. Москва–Ленинград 1940, 71–112.
- ДЕЯНИЯ ВЕНГРОВ 2007: «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом / Пер. В. И. Матузовой, вступ. статья и комментарии М. К. Юрасова. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2007:1–2, 87–98.
- КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ 1991: Константин Багрянородный: *Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. Изд. второе, исправ.* Москва 1991.
- МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ 2002: *Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. 2-е изд.* Ред.: Ромодин, В. А. Бишкек 2002.
- МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КАЗАХСКИХ ХАНСТВ 1969: *Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)*. Ред.: Сулейменов, Б. Алма-Ата 1969.
- МАТЕРИАЛЫ ПО КИРГИЗСКОМУ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЮ 1902: *Материалы по киргизскому землепользованию собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. 11.* Ред.: Щербина, Ф. Омск 1902.
- ПОВЕСТЬ 1950: *Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и пер. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц.* Москва–Ленинград 1950.
- РАШИД АД-ДИН 1952: Рашид ад-Дин: *Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1.* Пер. с пер. Л. А. Хетагурова и О. И. Смирновой. Ред. и примеч. проф. А. А. Семёнова. Москва–Ленинград 1952.
- УТЕМИШ-ХАДЖИ 1992: *Утемиш-хаджи. Чингиз-наме.* Факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В. П. Юдина. Коммен. и указ. М. Х. Абусейтовой. Алма-Ата 1992.
- MINORSKY 1937: Minorsky, V.: *Hudud al-'Alam: The Regions of the World. A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D.* London 1937.

## ЛИТЕРАТУРА

- АКИМБЕКОВ 2011: Акимбеков, С. М.: *История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии*. Алматы 2011.
- АНТОНОВ 2009: Антонов, И. В.: К вопросу о локализации венгров (мадьяр) в Волго-Уральском регионе. В: *VIII конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов*. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Редкол.: Тишков, В. А. и др. Оренбург 2009, 63.
- АРИСТОВ 1896: Аристов, Н. А.: Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Журнал «Живая старина». *Отделение этнографии* 1896:3–4, 277–456.
- АРТАМОНОВ 1962: Артамонов, М. И.: *История хазар*. Ленинград 1962.
- АХМЕДОВ 1985: Ахмедов, Б. А.: *Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв.: (Письменные памятники)*. Ташкент 1985.
- БАРТОЛЬД 1973: Бартольд, В. В.: Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». В: *Сочинения*. 8. Москва 1973.
- БЕНКЁ 2003: Бенкё, М.: *Тургайские мадяры. (Казахстанские мадяры – кто они?)*. Будапешт 2003.

- Бодянский 1865: Бодянский, О. М.: Кирилл и Мефодий. Собрание памятников. В: *Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1865, январь – март, кн. I*. Москва 1865, 1–96.
- Боталов 1995: Боталов, С. Г.: В стране маджуджей и яджуджей (мадьяры, кимаки, кыпчаки). В: *Древность Урала. Очерки истории Урала 2*. Ред.: Миненко, Н. А. Екатеринбург 1996, 76–84.
- Бояршинова 1960: Бояршинова, З. Я.: *Население Западной Сибири до начала русской колонизации*. Томск 1960.
- Бромлей–Подольный 1990: Бромлей, Ю. В. – Подольный, Р. Г.: *Человечество – это народы*. Москва 1990.
- Вашари 1998: Вашари, И.: О рунических системах письма Восточной Европы. В: *Altaica II*. Москва 1998, 32–45.
- Галкина 2003: Галкина, Е. С.: К проблеме локализации народов Восточной Европы на этнической карте географов «школы ал-Джайхани». В: *Ученые записки Центра арабских исследований Института востоковедения РАН*. Москва 2003, 3–20. <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://idrissi.narod.ru/jayhani-gal.htm&num=1&strip=1&vwsrc=0> (дата обращения: 29. 05. 2018).
- Голь–Прицак 2003: Голб, Н. – Прицак, О.: *Хазарско-еврейские документы X в.* Москва 2003.
- Горелик 2002: Горелик, М. В.: Три племени кавар и савирский всадник. В: *Хазары. Второй международный colloquium. Тезисы*. Ред.: Петрухин, В. Я. – Федорчук, А. М. Москва 2002, 26–31.
- Гумилев 1993: Гумилев, Л. Н.: *Древняя Русь и Великая степь*. Москва 1993.
- Данилевский 1883: Данилевский, Н. Я.: О пути Мадьяр с Урала в Лебедию. Заметки Н. Я. Данилевского и К. Я. Грота. *Известия Императорского Русского Географического Общества* 19:1 (1883) 220–246.
- Древнетюркский словарь 1969: *Древнетюркский словарь*. Ред.: Наделяев, В. М. – Насилов, Д. М. – Тенишев, Э. Р. – Щербак, А. М. Ленинград 1969.
- Дьённ 2007: Дьённ, Г.: *Протовенгры на Урале в первом тысячелетии нашей эры в российской и венгерской историографии: автореф. дисс. ... к.и.н.* Екатеринбург 2007.
- Еремеев 1970: Еремеев, Д. Е.: К семантике тюркской этнонимии. В: *Этнонимы*. Ред.: Никонов, В. А. Москва 1970, 133–142.
- Зуев 2004: Зуев, Ю. А.: Самое сильное племя. В: *Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дагит-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы международного круглого стола*. Алматы 2004, 31–67.
- История Казахстана и Центральной Азии 1997: *История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. 2*. Алматы 1997.
- История Казахстана 2001: *История Казахстана и Центральной Азии: Учеб. пособие*. Ред.: Абусеитова, М. Х. и др. Алматы 2001.
- Исхаков 2004: Исхаков, Д. М.: *Тюрко-татарские государства XV–XVI вв.* Казань 2004.
- Казаков 1997: Казаков, Е. П.: Волжская Булгария и финно-угорский мир. *Finn-Ugrica* 1997:1, 34–56.
- Кляшторный–Султанов 1992: Кляшторный, С. Г. – Султанов, Т. И.: *Казахстан: летопись трех тысячелетий*. Алма-Ата 1992.
- Козин 1941: Козин, С. А.: *Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un niᠦiᠴa tobᠴian. Юань чао би ши. 1*. Москва–Ленинград 1941.
- Кононов 1958: Кононов, А. Н.: Опыт анализа термина тюрк. *Советская этнография* 1949:1, 40–47.
- Кузеев 1974: Кузеев, Р. Г.: *Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения*. Москва 1974.
- Кумекоев 1972: Кумекоев, Б. Е.: *Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам*. Алма-Ата 1972.

- КУМЕКОВ 1990: Кумеков, Б. Е.: Об этническом составе кыпчаков XI – нач. XIII вв. по арабским источникам. В: *Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. История и археология. 2.* Ред.: Литвинский, Б. А. – Жданко, Т. А. Москва 1990, 122–130.
- КУМЕКОВ 2008: Кумеков, Б. Е.: Казахи и венгры: общие исторические корни. В: *Ұлы Даланың біртуар ұланы: [Алты Алаштың ардақтысы, көрнекті түркітанушы, мәдениет қайраткері, Мажарстан ғалымы Мандоки Қоныр Иштванға арналады]. 1944–1992.* Ред.: Әбенова, Л. Д. Алматы 2008, 29–44.
- КУШКУМБАЕВ 2007: Кушкумбаев, А. К.: Об этнических взаимосвязях казахов и мажар (по предварительным результатам экспедиции 2006 года в Омскую область). В: *Казахи Омского Прииртышья: история и современность (сборник).* Ред.: Ахметова, Ш. К. – Томилов, Н. А. Омск 2007, 131–137.
- КУШКУМБАЕВ 2009: Кушкумбаев, А. К.: *Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование.* Кокшетау 2009.
- ЛЕВИЦКИЙ 1978: Левицкий, Т.: «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов. В: *Восточная Европа в древности и средневековье (сборник статей).* Ред.: Черепнин, Л. В. Москва 1978, 56–60.
- МАЛЫШЕВ 2003: Малышев, А. Б.: Половцы в Венгрии и Золотая Орда во второй половине XIII в. В: *Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной конференции.* Ред.: Насилов, Д. М. Москва 2003, 76–83.
- МАНДОКИ 2008: Мандоки, Қ. И.: Мадияр руы туралы қолжазба. В: *Ұлы Даланың біртуар ұланы: [Алты Алаштың ардақтысы, көрнекті түркітанушы, мәдениет қайраткері, Мажарстан ғалымы Мандоки Қоныр Иштванға арналады]. 1944–1992.* Ред.: Әбенова, Л. Д. Алматы 2008, 245–246.
- МАСАНОВ 1995: Масанов, Н. Э.: *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества.* Алматы «Социнвест». Москва 1995.
- МУДРАК: Мудрак, О. А.: *Развитие пратюркской системы фонем.* <http://altaica.narod.ru/texts/prototurk.pdf> [28.05.2018]
- МУКАНОВ 1974: Муканов, М. С.: *Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза.* Алма-Ата 1974.
- НАПОЛЬСКИХ 2002: Напольских, В. В.: Баскарт, или Великая Венгрия. В: *Христианский мир и «Великая Монгольская империя».* Ред.: Юрченко, А. Г. – Аксенов, С. В. Санкт-Петербург 2002, 240–249.
- НЕМЕТ 1999: Немет, Ю.: К вопросу об аvaraх. В: *Гумилев Л. Н. Древние тюрки.* Сост. и общ. ред. А. И. Куркчи: В 2-х книгах. Кн. 2. Москва 1999, 362–368.
- ПЕТРУХИН 2005: Петрухин, В. Я.: *Мифы финно-угров.* Москва 2005.
- ПОЭТЫ ПЯТИ ВЕКОВ 1993: Поэты пяти веков. Казахская поэзия XV – начала XX в. В: *Вст. ст., сост., биогр., спр. и прим. М. М. Магауина.* Пер. с каз. Ред.: Магауин, М. М. Алма-Ата 1993.
- СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ 2005: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем. В: *История Казахстана в арабских источниках.* Подгот. к нов. изд., введ., допол. и коммент. Б. Е. Кумекова и А. К. Муминова. Т. I. Алматы 2005.
- СУЛТАНОВ 1982: Султанов, Т. Н.: *Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории).* Москва 1982.
- ТОЛЫБЕКОВ 1971: Толыбеков, С. Е.: *Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века: политико-экономический анализ.* Алма-Ата 1971.
- ТОТ 1968: Тот, Т.: О раннем этапе этногенеза венгерского народа. *Известия АН КазССР. Сер. обществ* 1968:2, 68–71.
- ТРЕПАВЛОВ 2002: Трепавлов, В. В.: *История Ногайской Орды.* Москва 2002.
- ТЫНЫШПАЕВ 1925: Тынышпаев, М.: *Материалы к истории киргиз-казахского народа.* Ташкент 1925.

- ХАРИТОНОВ 2001: Харитонов, М. А.: *Социокультурные аспекты зооморфной символики народов Центральной Азии*. Улан-Удэ 2001.
- ХВОЛЬСОН 1869: Хвольсон, Д. А.: *Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен-Омар ибн-Даста*. Санкт-Петербург 1869.
- ЦИНМАН 1992: Цинман, М. З.: *Методологические проблемы типологии отношений собственности у кочевников (научно-аналитический обзор)*. Алма-Ата 1992.
- ЦУКЕРМАН 1998: Цукерман, К.: Венгры в стране Леведии: Новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. *Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии* 6 (1998) 663–688.
- ШУШАРИН 1997: Шушарин, В. П.: *Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания*. Москва 1997.
- ЭРДЕЛИ 1983: Эрдели, И.: Кабары (кавары) в Карпатском бассейне. *Советская археология* 1983:3, 174–181.
- BÍRÓ–ZALÁN–VÖLGYI–PAMJAV 2009: Bíró, A. Zs. – Zalán, A. – Völgyi, A. – Pamjav, H.: A Y-chromosomal comparison of the Madjars (Kazakhstan) and the Magyars (Hungary). *American Journal of Physical Anthropology* 139 (2009:3) 305–310. <https://doi.org/10.1002/ajpa.20984>
- ERDÉLYI–BENKŐ 2005: Erdélyi I. – Benkő M.: A szárgátikai kultúra és a hunok. *Eleink* 2005:2, 5–18.
- LEWICKI 1988: Lewicki, T.: Kabarowie. In: *Studia nad etnogenezą Słowian i kulturą Europy wczesnośredniowiecznej*. T. 2. Wrocław 1988, 77–87.
- MARQUART 1903: Marquart, J.: *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge; ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940)*. Leipzig 1903.
- RÓNA-TAS 1986: Róna-Tas A.: A magyar népnév egy 1311-es volgai bolgár sírfeliraton. *Magyar Nyelv* 1986:1, 78–81.